

Колдовские
миры

НА ЗОВ ПРОШЛОГО ЛУЧШЕ НЕ ОТКЛИКАТЬСЯ

марьяна
сурикова

ЗОВ ЧУЖОГО
ПРОШЛОГО

Марьяна Сурикова
Зов чужого прошлого
Серия «Колдовские миры»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67673727
Зов чужого прошлого: Эксмо; М; 2022
ISBN 978-5-04-169386-2

Аннотация

Есть старая легенда о древнем зле, что заперто в самой середине непролазной чащи. Говорят, наступит время, и оно проснется. Тогда рухнет мир, и тьма придет к власти. Глупые рассказы и бабушкины сказки. Повезло же с будущей родней, едва познакомились, как сразу просветили, еще и саму в ведьмовстве обвинили. На ту оказалась похожа, кто зло помогал заточить. А я в лес и не собиралась совсем, пока жених вдруг в чаще не пропал.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	46
Глава 4	61
Глава 5	86
Глава 6	104
Глава 7	122
Глава 8	146
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Марьяна Сурикова

Зов чужого прошлого

© Сурикова М., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Влюбиться по-настоящему – непросто,
а порой бывает страшно любить.*

Глава 1

– Нет в лес хода, – вещала старуха, выставляя на стол котелок с кашей и тарелку с хлебом. А чтобы придать большего веса словам, она несколько раз качнула седой головой. – Запомни, что говорю, и носа туда не кажи.

Печаль какая. А меня ведь кашей ни корми, дай по лесу погулять.

– Охотники ходят? – решила уточнить.

– А чего им не ходить? Испроси на окраине разрешения да отправляйся на промысел.

– И за ягодой местные ходят? – скосила глаза на корзину, поставленную на подоконник.

– За ягодой-то чего не наведаться? Опушечку поближе выбирай и собирай.

– А грибы у вас, – кивнула на висящие под потолком сушеные связки, – не из леса?

– Откуда еще грибам взяться? – хмыкнула старуха.

– Выходит, что тропинка проторена?

Она глянула на меня и снова качнула головой, нахохлившись, точно седая ворона.

– Послушай, девка, дело говорю! А больше никто толкового не скажет. Вот какие вы нынче пошли: старость не уважаете, опыта не перенимаете. Но только в лесу зло живет. Давненько. В самой темной чаще.

– А облик у него есть? Или это просто злая темная чаша? Старуха погрозила скрюченным пальцем.

– Ишь языкатая! Чего Вашек в тебе нашел? Соблазнила небось?

Я вздернула подбородок и промолчала. Уж кто кого соблазнил? Сам Вашек полгода мне прохода не давал, с того раза, как наведалься в наш салон с собачкой очередной однодневной подружки. Теперь вот в деревню затащил, а сам на встречу с друзьями помчался и мне отличную компанию подобрал.

– Жил прежде человек один, рассказывают, – продолжила старуха, явно не в первый раз повествуя эту историю, – непростой он был, того умел, чего остальные не могли. Только не ради добра. Вот и сослали его подальше от жилья людского в лесную чащу. Там, говорят, и заперли, а затем домик из бревен возвели. На двери замки повесили, на окнах ставни заколотили. Замкнули круг, стену из кольев ощерили, а кругом ограду железную с шипами поставили.

– А шипы ядом смазали?

Старуха фыркнула. Я же решила уточнить более неприглядный момент касательно расплывчатого «заперли».

– Вокруг чего домик-то возвели? Не над гробом хрустальным?

– Это только в сказках ваших хрустальные, а на поверку гранит лучше. Да и на что гроб? В них умерших кладут.

– А его живьем хоронили?

– Живьем не живьем только тем ведомо, кто в ту пору жил. А нам лишь предупреждение осталось, поскольку од-ни его замкнули в лесу, а расплачиваться другим пришлось. Девки пропадать стали. Одна за другой. Кто подальше в лес забредет, та назад не вернется. Еще, говорят, зверья меньше в чаще стало, а птицы и вовсе перевелись.

– Не нашли девок?

– Некоторые возвращались, но не в себе. И слова сказать не могли, где были, что делали.

– Родители их не пошли в чащу со злом разобраться?

– Девки не местные-то. Все больше пришлые, как ты. Кто без отца и без матери. Из приюта, что между городом и деревней построили.

– Хорошее у вас зло, правильное. Своих не трогает.

Старуха прищурилась.

– Ты, Вашек говорил, совсем без семьи.

– У меня родные есть, и я не росла в приюте.

Как обычно в похожих ситуациях, рука потянулась к кулону с прозрачным янтарным камнем, ограненным витой серебряной косичкой. Его оставила на память родная мать, прежде чем бросила, но я верила, будто кулон приносил удачу. По крайней мере вот так схватиться за него при случае отчего-то помогало ощутить уверенность в себе. Не одна я была. А уверенность, как известно, где надо горы свернет, а где не надо рвы прокопает. И уж точно невзначай – хотя в данном случае нарочно – брошенные слова не обидят и боли

не причинят.

– По родственникам скиталась? Наслышана я.

Вашек – зараза! Зачем рассказал?

– Всю жизнь не знали, куда приткнуть сиротинушку. Небось перевели дух, когда выросла. И на что вы такие парней пригожих ловите?

Ага. Плохая девка, очень плохая. Кровинушку из семьи уводит, беспризорница. Правильного и хорошего кровинушку, который до встречи со мной в студенческих угарах о семье только тогда вспоминал, когда на очередную пирушку не хватало.

– А мы любим их заманивать. Вот как ваше зло из чащи.

– Он тебе подобных особливо и любит.

– Вашек?

– Тот самый, из леса.

– Пф! – я не удержалась. Ну уж очень похоже прозвучало на детскую страшилку. Тот самый из леса, который живет в темной чаще. Любят же старые люди небылицы собирать на пустом месте, а после каждому встречному рассказывать. Я какой-то период жизни провела у пожилой родственницы, тоже наслушалась.

– А на что ему девушки? – решила подзадорить старуху, а та в ответ зашлась хриплым каркающим хохотом.

– А Вашек не объяснял, зачем мужику девка?

– Так зло не просто человек? Он еще и мужчина? Эх, все несчастья у девок из-за мужиков.

Глаза старухи недобро сверкнули. Она погрозила мне ложкой, а после воткнула ее в кашу и резко придвинула почерневший котелок ко мне.

– Ешь вот.

Я с трудом удержала тоскливый вздох и посмотрела в окно, за которым темнело.

– И когда Вашек вернется? – пробубнила под нос, но старуха умудрилась расслышать.

– А ты не к юбке ли собралась парня привязать? Наведался он в кои-то веки в родную деревню, праздник у мальчика. Гронду¹ закончил, с друзьями отпраздновать приехал.

Именно. Еще и меня притащил с бабушкой познакомиться. Чтоб икалось ему! И ведь не в старом родительском доме оставил. Наверняка с друзьями свой выпуск там отмечал, неспроста уговаривал у бабушки переночевать. «Она милейшая старушка, присмотрит за тобой. Просто мужская компания подобралась, тебе скучно будет». Теперь понятно, отчего его родители дом оставили и в город перебрались, с таким-то милым одуванчиком под боком всласть не наживешься. В последний раз я поддалась на подобные уговоры.

– Сама небось ничего не заканчивала!

Я уже заметила, что «милейшая старушка» не особо нуждалась в моих ответах, она вполне обходилась собственной болтовней. Но удержаться не смогла.

¹ Гронда – общепрофессиональное высшее учебное заведение, после окончания которого специалисты получают распределения на места работы.

– Я окончила кастелану².

– Пф! – выдала старуха.

Такую же снисходительную реакцию я встречала у ее внука, который с гордостью вертел вчера перед моим носом именным медальоном с золотыми вензелями.

Да бездна огня с ними! Зато я сама деньги на обучение заработала и честным трудом, а не как некоторые намекали. В престижный салон тоже сама устроилась на работу. И у меня даже наследство имелось в городе. И хотя Вашек заявлял, будто дом годится только под снос, я планировала потихоньку привести его в порядок. Когда-нибудь. Когда средства появятся.

В животе заурчало, и я слизнула с кончика ложки кашу. Она оказалась неплоха. Особенно на мой непритязательный вкус, и я принялась угощаться.

– А огонь-то на косах так и пляшет. Точь-в-точь ведьма. Уж не приворожила ли Вашека? Вот карты раскину.

Я чуть не подавилась. Ведьма?! А они здесь на каком моменте развития застопорились? Может, до появления стихийной теории? Еще окажется, будто в основе мироздания вовсе не четыре стихии лежат, но высшие существа, одарившие людей разумом. А еще современные технологии медленно разрушают основы вселенной. Потому и печь на дро-

² Кастелана – узкоспециализированное учебное заведение, где обучают определенной профессии без широкого охвата разнообразных наук, как это происходит в гронде.

вах, а вместо электричества свечка посреди стола, чей отсвет и заставлял мою косу отливать вишней.

Все, проведала деревеньку, пора и честь знать. А то ж не к ведьме, так к русалке припишут. Окажись я мужчиной, могли бы и к чернокнижникам отнести или к алхимикам. Таких в Средние века было пруд пруди. На каждом шагу встречались.

– Ты не хмыкай, – пробубнила старуха, раскладывая на столе карты. Опять же, гадала она, а ведьмой называла меня. За цвет волос! Да-а. А не пойти ли спать? Что бы ей карты ни сказали, а костра очищающего можно не опасаться. Минули те времена, да и кровинушка ее, когда предложение делал, не зря мне в вечной любви клялся. Бабкиных членовредительных потуг не одобрит.

Я зевнула и, буркнув: «Спасибо за ужин», – подхватила тарелку, ополоснула в деревенском умывальнике и отправилась в постель. Удобств здесь, конечно, не водилось, но кувшин с тазом у кровати имелся, а под кроватью – ведро. Я постояла некоторое время, таращась на это раритетное богатство, после чего принялась расплетать волосы. В отличие от того же Вашека, который мог после очередной пирушки с друзьями завалиться где попало и в чем попало, я предпочитала спать умытой и в ночной рубашке.

Волосы опустились ниже талии, щетка тихо шуршала в полумраке, рассыпая по длинным прядям красные искры, которые вспыхивали так ярко из-за огня свечи. Даже на све-

ту мои волосы отливали бургунди, только если по ним скользили солнечные лучи, в остальное время это был обычный темно-каштановый оттенок, который я никогда в жизни не пыталась разбавить современными красителями.

Задумчиво поглядев в окно, верхняя половина которого оставалась не прикрыта занавесками, полюбовалась на полукруглый бок наливающейся луны. Вдалеке шумел темными кронами тот самый лес, а в форточку долетал стрекот кузнечиков.

Что всегда нравилось мне в деревне: сельская тишина и живительный воздух, который можно было пить, точно родниковую воду. Однако отсутствие благ цивилизации шло в явный минус.

Положив щетку, поворочалась немного, подоткнула под бок одеяло, и сама не заметила, как провалилась в сон.

– Вашек пропал!

– Как пропал? – я в шоке уставилась на одного из друзей, явно мало пьющего или быстро трезвеющего, который единственным добрался до старушечьего домика этим ранним утром и поднял нас обеих с постели.

– Так пропал. Все парни на месте, а его нет.

– Где его нет, ирод ты этакий?! – кутаясь в шаль, крикнула старуха и схватила за изогнутую клюку, прислоненную к печке.

– В избушке. Мы, матушка Эга, на спор решили к старому

дому наведаться. На смелость друг друга испытать.

– Каким образом испытать? – подбоченилась я, оглядываясь в поисках такого же подходящего орудия, как у старухи.

– Кто не побоится там заночевать.

– И что, Вашек не побоялся?

– Мы вместе заночевали, – переступил с ноги на ногу парень.

Пьяные, разудалые, а поодиночке не отважились. Вот что старухины сказки с людьми делают.

– Ночью, мне слышалось, волки в лесу были.

– Отродясь в нашем лесу волков не водилось! – вскинулась старуха.

Хм, а мне говорила, будто перевелись звери после заселения в чащу зла.

– В доме каком ночевали? Старом-престаром, с заколоченными ставнями, окруженном частоколом и железным забором?

– Э-э, – парень почесал макушку, – нет там железного забора. Кабы был, что нам те волки? Зато хибарка хлипкая, дверь еле держится, а в комнатухе мы вшестером едва уместились.

– А вой не спяну примерещился? Может, Вашек с вами и не ходил никуда? Спит себе в родительском доме.

– Вместе в хибаре той пили, я помню, а утром его хватились.

Задумалась, пока парень, обернувшись к старухе, разма-

хивал руками и убеждал прошерстить лес. Что мы в итоге имеем? На спор вся орава горе-друзей в пьяном угаре отправилась в чащу. В избушке довели себя до полной кондиции, затем ночью слышали волков и перепугались так, что, едва рассвело, ринулись обратно в деревню, а Вашека где-то потеряли. Немудрено, если в доме и позабыли. Я-то знаю, как беспробудно женишок спит, когда в опьянении. Он мог волков и не слышать вовсе.

– В избушке все обыскали? – попыталась упростить поисково-спасательную операцию.

– Чего там обыскивать в одной комнате? – удивился парень.

Я вздохнула и отправилась натягивать более удобную для лазания по лесу одежду.

Пара мужиков – надо отдать должное: матерых и при ружьях, – одна невеста, трое стойких дружков, кого смогли растолкать после беспробудно-бессонной ночи, – двое почили в глубоком сне, не поднявшись на поиски, – и старушка с пучком тлеющих и жутко смердящих трав, беспокойно то ли бормочущая под нос заклинания, то ли испрашивающая разрешения, но в целом очень гармонично завершающая общую картину мощного поискового отряда.

В лес углублялись со знанием дела. Впереди шагал один из мужчин покрупнее, позади тот, что помельче, а в центре все мы, по сути, совершенно бесполезные в случае выхода из кустов давешних волков, медведя или на худой конец

несчастливого заживо замурованного в избушке злейшего зла.

Сам домик возник перед глазами довольно быстро, я предполагала, что он очутится где-то в уж совсем непролазной чаще и выглядеть будет не как заброшенная избушка с картины в стиле сельская пастораль. Розовые кусты, пусть и колючие, но упоительно благоухающие распустившимися бутонами, довершали столь чудный пейзаж, что я даже не удивилась тому, как частокол вдруг оказался аккуратно покосившимся заборчиком. Единственным штрихом, хорошо вписавшимся во вчерашнюю страшную сказку о злобном зле, явилась сама старушенция, которая окурила сперва калитку, а после и входную дверь своим веничком. В единственную комнату избушки зайти оказалось непросто. Из-за дыма. У меня глаза заслезились, а голова загудела не только от бормотаний, но и благодаря ядреному запаху.

По-быстрому распахнув жалобно заскрипевшее окошко и прижав к лицу платок, я принялась оглядываться. Старушка уже выскользнула из дома и начала наматывать вокруг него круги. Внутри было пусто. Старая деревянная лавка и стол. Ни покрытых копотью котлов, ни развешанных под потолком сушеных жаб и ящериц, ни алхимических пробирок, ни на худой конец тощего кота, злобно сверкающего глазами из темного угла. Даже чернокнижного жертвенного алтаря в центре комнаты не оказалось и пюпитра под черную-пре-черную книгу. Вот совсем. Как неинтересно-о-о!

– Я говорил, нет его! Надо кругом дома следы искать! –

заглянул в избушку друг Вашека и мгновенно исчез за дверью, не выдержав аромата курений. Старушка ему в ответ издала нечленораздельный звук по ту сторону из-за угла, однако я осталась внутри, раздумывая, что в любой уважающей себя избе должен быть подпол или, как там раньше говорили, погреб.

Глаза слезились, в голову набили ваты. Уж не знаю, что за курения использовала славная матушка Эга, принявшая меня за ведьму, но было дело, когда мы с ее внуком заглянули на одну вечеринку, с которой я сбежала сразу, а Вашек чуть погодя. После он полночи вещал мне о летающих розовых пони. Если и этот дым обладал галлюциногенными свойствами, то мой без пяти минут бывший жених пойдет работать по распределению сразу, как срастит себе перелом.

– Отлично! – я наконец-то узрела кольцо в полу. Обычное такое, железное и ржавое. – Кх, кх, кх! Да чем она тут обкурила?

Даже не являясь поклонницей трав непонятного происхождения, влияющих на психику самым неадекватным образом, я знала о последствиях возможного воздействия. Но и в этом случае не ожидала подобной подлости от старушки. Уже почти дотянулась до кольца, когда по моей шее провели... как будто рукой. Настолько нежно и ласково, что мурашки, побежавшие по телу, оказались размером со слона. Сердце, определенно решившее выполнить функцию слезящихся глаз, собралось выскочить из груди и воочию наблю-

дать, что в пустой избушке точно никого нет. Никогошеньки!

Я плюхнулась на заднюю точку, попыталась успокоить колотящееся сердце и огляделась. Избушка была пуста. Дверь распахнута. Снаружи доносились голоса переговаривающихся между собой людей. Солнечные лучи пронзали задымленное пространство.

– Вашек, – позвала хриплым голосом и со страха – да чтоб всем сказкам о древнем зле пусто было – так дернула за кольцо, что крышка со скрипом стала подниматься. Внизу оказалось темно, но слуха коснулся лучший звук на свете – знакомый храп.

Вашек! Я закашлялась и уже хотела позвать тех, кто снаружи, когда от испуга выпустила кольцо, а крышка снова грохнулась на прежнее место. Просто, когда к осязательным галлюцинациям подключаются слуховые и негромкий голос тихим ветерком касается уха и шепчет: «Здравствуй», становится ну прям совсем нехорошо.

Чисто по инерции вновь огляделась, прижимая руки к груди. Ветерок в солнечных лучах красиво взметал дым от порога и обращал его в причудливые фигуры. Вот дымные ключья изогнулись в форме крыльев большой птицы, вот они показались развернутой ко мне головой большого зверя, а вот разорвались провалами глаз, рта и легли волнами длинных волос на плечи мужской фигуры!

– О-о-ой.

Дым снова подернулся ветром, и протянутая ко мне рука

вытянулась сизой старушечьей клюкой. Паника нахлынула как-то совсем внезапно – только что я собиралась сигануть в подвал к Вашеку, а вместо этого рванула на выход. И это решение было более правильным. Там по крайней мере маячил свежий воздух.

Я влетела в мужчину у самой двери. В дымные призрачные объятия, опутавшие точно сеть, в которой я забарахталась. Вероятно, ноги заплетались, и руки не могли нащупать проем выхода под действием сильнодействующего препарата, вот только глаза видели жутко притягательного мужчину. Поджилки тряслись от страха, но из-за необъяснимого притяжения меня точно магнитом приклеило к клочку пола на границе комнаты и двери. А ведь впереди был залитый солнцем проем, позади – подпол, где спал мой жених, но я замерла, словно кролик перед удавом, запрокинув голову и определенно наблюдая перед собой склоненное лицо. Я даже видела, как губы шевелились. Как они произносили что-то тише шепота. И чувствовала руки на своих плечах, прикосновения пальцев к коже, хотя краем глаза замечала, что кругом сплошной сизый дым. Высокая гибкая фигура просто мерещится мне. Как и поцелуй, забирающий остатки воздуха в легких.

«Назови...»

В голове звучал голос.

«...ИМЯ».

Луч солнца упал на кулон. Он преломился в янтаре, рас-

сыпавшись во все стороны огненными лучиками, разорвав
калеными гранями очертания касавшихся губ и темные про-
валы глаз, заплесав, точно отблеск свечи, красными искрами
в упавших на лицо прядях волос, пронзив острыми шипами
сизый дым и задрожав на грани сознания едва различимым
яростным криком: «Ана!»

Я никогда не падала в обморок. Ни разу в жизни. Вот и
сейчас тоже. Только осела на пол тяжелым, неподъемным ку-
лем, хватая ртом воздух.

– Воздух – суть дыхания... – не закончила ритуальной фразы обращения к стихиям, вытянула руку к порогу и без сил уронила на нее голову. В мыслях царил хаос, в легких горело, тело онемело. Прикосновения бесплотных губ и пальцев оставили на коже невидимые ожоги. Бред какой-то, это все нереально, но так осязаемо...

– Сэйна! – поток сознания оборвался где-то на фразе: «Сумасшествие». – Ты что?

Меня приподняли над полом реальные мужские руки, и друг Вашека обеспокоенно заглянул в лицо.

– Вашек в подвале, а я упала, – оказалось, что человеческая речь не отказала, хотя голос звучал глухо и хрипло. Вероятно, напрасно решила, будто онемела. Может статься, я даже была в состоянии произнести имя.

Поморщилась, голова качнулась из стороны в сторону, когда я попыталась напрячь мозги и понять, что за имя хотела произнести.

– В подвале?

Друг меня выпустил, а сам рванул в глубь комнаты, повинаясь указующему жесту. Он поднял крышку с еще большим усилием, чем я, и бодрый храп вновь разнесся по комнате.

– Эй! – раздался громкий крик, загудевший в моей голове подобно тяжелому колоколу, – я нашел Вашека. Все сюда!

Глава 2

– Из чего вы вяжете свои пучки?

Я помассировала пальцами виски и потянулась к кружке с горьковатой гадостью, которая, впрочем, мигом уняла сухость и зуд в горле, не желавший проходить и после трех стаканов воды.

Старуха с ворчанием бухнула отвар перед моим носом после очередного стенания на тему кошмарной вони и слезоточивого дыма.

– Знамо дело, из ведьминой травы. Дабы зло отгонять. Неспроста головушка у тебя болит, – сверкнула глазами милейшая бабушка Вашека, на что сидевший рядом жених простонал: «Мне от нее тоже нехорошо. Надышался в подвале».

Ну-ну. Дымом он надышался, как же.

Матушка Эга возмущенно зыркнула на внука, после чего наполнила еще одну кружку.

– А мне можно? – донесся робкий голос друга-спасителя, вызволившего жениха из подпола.

– Я всегда вам говорила, – потрясла пальцем старуха, протягивая третью посудину с животворящей жидкостью, – не ходите в старый дом. В лес шага не ступайте! Чего вас потащила нелегкая?

– Ба, тогда нам по пять лет было. С тех пор лес излазили вдоль и поперек.

– Дурачье! И вот эту туда же понесло.

– А? Сами-то вы еще долго Вашека искали бы по лесу.

И, кажется, никто особо не отговаривал, даже рассуждения помню, будто любовь в девичьем сердце верный путь укажет. Вот она и указала, мигом узнав громоподобный храп.

– И если уж говорить о вреде, то все живы-здоровы, а злее всего оказалась только ваша травка.

Мои слова и выражение лица старушке не понравились. Кабы милейший одуванчик сумел, просверлил бы во мне дырку глазами.

– Берегись, девка, – и пальцем погрозила, смерив таким взглядом, будто ведьма во плоти не только невинное чадушко приворожила, но и обманом в лес загнала, чтобы повод был поискать и в избушку наведаться. – Берегись, коли приметил! А иначе не будет спасения.

А мне даже обидно стало, ведь я Вашека отыскала, несмотря на галлюциногенный дым.

– Спасения от кого?

– Духа древнего!

– А имя у духа есть?

– Окстись! – рявкнула старуха. Я едва отвар не пролила.

– Коли душа имя узнает, то и прошлую жизнь припомнит. А припомнит, так и тело отыщет. Отыщет тело и силу вернет. Наведет чары на всех, кто его одолел, да наступит конец этому миру.

Мы с Вашekom и его другом переглянулись. Меня уже давно отпустило действие травки, а потому становилось ясно, что кабы не она, я бы с дымом в домике не обнималась. Жених с другом и вовсе к байкам привыкли. Наверняка настолько, что те уже в печенках сидели.

– Ба, хватит, – подтвердил мой вывод Вашек. – Наслышаны про зло из леса, про девок и прочее.

– Ага, – поддакнул друг.

Даже я не смогла удержаться, припомнив кашель, слезящиеся глаза и галлюцинации.

– Он явно девушек отлавливал, чтобы имя вызнать.

Хмыкнула, парни согласно хрюкнули в свои кружки, а старушенция схватилась за клюку и так саданула по столу, что посуда зазвенела.

– Шутки все шутишь? – и вытянула палку ко мне, пришлось даже отклониться. – Не той имя известно, из кого силу берет, а той, кого сам позовет. Начнет тогда гадать, да вдруг и угадает!

Ее лицо перекосилось, глаза потемнели, а у меня едва внутренности узлом не стянулись, так бабуленция злобно скривилась. Вот уж не задались отношения с будущей родней.

– Ба, ну ты чего? – заступился Вашек, я же поднялась.

– Ну, как у вас говорят, спасибо за хлеб, за соль, пора и честь знать.

Старушка разом растеряла весь пыл.

– Уезжаете? – беспомощно глянула на внука. А тот в ответ примерно с тем же выражением посмотрел на меня.

– Сюша! – теперь меня перекосило. – Ведь договаривались на два дня.

Молча повернула в сторону двери. Дернуло же за язык согласиться. И ведь долго уговаривал. Как чувствовала, что мне здесь будут не рады.

Я тщетно силилась игнорировать поскребывания с той стороны. Мало того что посреди ночи разбудил, зараза, так теперь и дальше уснуть не давал. И это несмотря на все, что я ему высказала.

– Вашек, катись! – не выдержала притворяться спящей. Впустую только спальню отвоевала, а его спровадила на диван в большой комнате.

– Сю-у-шечка-а, – с той стороны тихонько провыли ровно в той тональности, которая была неспособна потревожить сон наслаждавшейся заслуженным отдыхом старушки в соседней спальне. Но ведь я тоже заслужила! Так за какой бездной огня этот теперь уже точно бывший жених до сих пор не ушел в неизвестность?

– Феюшка моя.

Дурная вера в иных существ – это семейное, и то, что на смену ведьме пришла фея, в общем-то не меняло демоническую сущность неспящей девушки.

– Я скоро так намагичу, мало не покажется, – рявкнула

достаточно тихо, но весьма эмоционально.

– Сэйна, у меня реально проблема.

А этот тон был хорошо знаком. Я даже насторожилась, пытаюсь распознать лживые нотки.

– Какая проблема?

– Серьезная.

Да что ж такое! И ведь не врет!

Замок негромко щелкнул, дверь отворилась почти без скрипа, а Вашек мрачной трезвой тенью просочился в комнату.

– Ну? – я скрестила руки на груди.

– Медальон, – поведал жених, и я заметила неслабую бледность, разлившуюся по его щекам и теперь переползавшую на подбородок. Признаться, у самой захолодело в груди.

– Именной?

Мрачный кивок.

– Потерял? – прижала руки к сердцу, не желая верить в смысл повторного кивка и пытаюсь осознать, что эта дубина стоеросовая где-то посеял именной медальон, выданный ему в честь окончания гронды. Тот самый, единственный в своем роде, на золотые вензеля которого я смотрела, затаив дыхание, отчего сам Вашек буквально лопался от гордости. Отличительный знак, что подтверждал подлинность обучения в высшем заведении и не мог быть подделан. Медальон, дававший право с гордым видом заявиться по адресу распределения и без лишних проверок предъявить его будущему

работодателю. Уникальная золотая вещь стоимостью в пять лет учебы, за которую не я одна убила бы, имей способность изменить вензеля чужого имени и все тайные знаки, отмечавшие подлинность вещи.

– Он самый! – парень прервал мои мысленные словоизлияния и обреченно провел рукой по лицу. И вот честно, не будь он под два метра ростом и имей я возможность дотянуться до волнистой пустоголовой макушки, саданула бы со всех сил.

– Дуре...

Соглашусь, что превысила допустимые децибелы, а потому рука Вашека, закрывшая рот, очень кстати погасила мой вопль.

– М-м-м!

– Только не кричи.

Я согласно кивнула. Он выпустил меня и, запустив ладони в волосы, принялся бесцельно слоняться по комнате взад-вперед.

– Где потерял?

– Не знаю. Помню, как обмывали его с друзьями и что он все время был со мной.

– В дом, значит, брал? – можно было не уточнять. Чтобы Вашек да упустил такой повод похвастать!

– А если в подвале остался?

– Зачем ты вообще туда полез?

– Не помню толком. Кажется, сокровища искать. Мы с

парнями с детства байки слышали, будто в стене заброшенного дома клад замурован. А сверху все стены бревенчатые, только в подполе земляные. Где еще муровать?

– О, как логично вы рассудили. И что, нашел клад? Или на медальон выменял?

Вашек громко вздохнул.

– Помню, что первый полез, а остальные не поместились.

– И решили выпить за твою удачу, раз даже позабыли, куда ты делся?

Жених пожал плечами.

– Я пару раз по стене долбанул, потом устал. Уснул как-то незаметно.

– Не ты один. Дружки твои только поутру заметили, что одного недостает. Правда, самый трезвый еще волков слышал. Ну и как теперь? С тобой сегодня за медальоном отправятся?

– Да я как бы, – он замялся, – не говорил им. Сама понимаешь, вещь золотая и...

– Уникальная?

– Редкая вещь. Хотя по назначению только хозяин использует, но стоит все равно недешево.

– Прекрасно!

Жених совсем загрустил, а я повторила его тяжелый вздох, в очередной раз подумав, что некоторым все слишком легко достается, что они в принципе не умеют ничего ценить, оттого и теряют столь просто.

– Значит, не доверяешь друзьям?

– Ну не то чтобы... к тому же они на радостях отметили успешные поиски. Заглядывал к ним, снова невменяемые.

Я насупилась и глянула на Вашека исподлобья, оценив, что к друзьям он не присоединился, значит, все-таки сильно переживал потерю.

– Знаешь, последнее чего хочется, это тащиться ночью в лес и снова посещать ту милую избушку.

– Бабушка с нами не пойдет, – принялся убеждать парень.

– Хоть один плюс. Предлагаю даже не брать с собой ее любимые травки, иначе не скоро вернемся.

– Ты пойдешь со мной?

– А одному страшно?

– Вдвоем отыскать быстрее.

И отыскать, и по-тихому вернуть, чтобы слух не прошел. А иначе и вовсе раритета лишат. В назидание. Бывали уж случаи. О восстановлении и говорить нечего. По крайней мере не при сегодняшнем главе элитной гронды Вашека, благодаря строгости которого обучение в ней поднялось до нынешних высот. Зато и распределения стали на порядок выше. Не зарплата, мечта!

– Надо незаметно сходить и быстро вернуться, – подтвердил мои умозаключения парень.

– Не знаю, твой друг волков слышал.

– Какие волки? Через лес напрямик за двадцать минут можно к дороге до города выйти. Если когда-то это называ-

лось чащей, а в ней обитал кто-то страшнее белки, то явно лет сто назад, не меньше. Так ты идешь?

– Только чтобы посветить в темные углы, дурень, ползать в грязи и пыли будешь сам. А после мы прямо с утра вернемся в город, и я не стану более навещать твою милейшую старушку и разудалых друзей, сам к ним ездю.

– Я тебя люблю! – жених ухватил в медвежьих объятиях, и в спине даже что-то хрустнуло. Крепкий он у меня был и, что греха таить, очень симпатичный, потому и мирилась с некоторой придурью. Избаловали единственного ребенка с детства, теперь я расхлебывала.

Высвободившись из рук Вашека, принялась собираться.

Ночью старая избушка выглядела гораздо загадочнее. Пустое окошко с распахнутыми мной же ставнями смотрело темными глазницами, а незакрытая дверь поскрипывала от дуновений ветра.

– Вашека, – я ухватилась за ладонь уже занесшего ногу над крыльцом жениха и крепко вцепилась в нее. Нужно признать, парень и правда не боялся в отличие от меня. Хотя атмосфера располагала. – Не хочется туда входить.

– Я же не могу оставить тебя снаружи. Идем. Ты в избушке посмотришь, а я – в подполе.

И он протянул длинную серебристую трубочку, которую накануне отъезда зарядил до полной отметки. Будто предполагал, что мы обязательно куда-то полезем ночью.

С большой неохотой и еще большим неудовольствием зашла следом за ним в пустую комнату и притворила дверь. Вашек сразу направился к люку и поднял крышку. Он спрыгнул вниз еще быстрее, чем я щелкнула кнопкой светоча.

– Сэй, ни стихии не видно, – проворчал снизу жених. – Эти бабулины кристаллы!

– Какие? – я присела на корточки и посветила на Вашека, тот держал в вытянутой руке светящийся кристалл на веревочке. – Еще один раритет? Тоже прошлый век?

– Не со свечкой же идти, – пробурчал жених, – а светоч только один, думал сможем одновременно искать.

– Так на солнышке подержал бы свой кристалл, а после светить пытался, – фыркнула на стенания жениха и принялась водить лучом светоча по всем углам, пока Вашек поднимал камни и комья земли, ища под ними.

– Нашел?

– Нет еще.

Жених громко рылся внизу, точно крот.

– Сюда посвети еще. Кажется, что-то блеснуло. Да вот же он!

Луч света отскочил от гладкой поверхности медальона, торчавшего из земляной стены.

– Как он в стене оказался? – не меньше моего удивился Вашек.

– А ты, случайно, не там клад искал? – съехидничала я, когда жених принялся выколуывать кругляш. – Не им вчера

копал?

Парень проигнорировал издевку и потянул медальон, вырывая вместе с земляным комом. В тот же миг вся стена рухнула.

– Вашек!

– Я в норме! – жениха присыпало наполовину, но благодаря габаритам не до конца. И он принялся разгребать уже самого себя.

– Медальон снова не потерял?

– В кармане уже... Сэй!

– Что!

– А ну свети в этот проем.

Выдохнули в унисон и остолбенели практически одновременно. Стена не просто осыпалась, она открыла деревянные подпорки, которые одновременно формировали решетку и поддерживали другие поперечные балки, вероятно державшие собой потолок.

– Мра-ак, – протянул Вашек, когда дар речи к нему вернулся.

– А что там? – я практически свесилась вниз, вглядываясь в темноту за решеткой.

– Ручаюсь, здесь точно зарыли клад!

– Выкопав яму в человеческий рост?

– А что еще тут может быть?

– Темница?

– Ты бабулиных рассказней наслушалась?

– А ты чьих наслушался, что в клад поверил?

– Да кто только из деревенских про клад не болтал. Спускайся. Ничего не видно в этой темноте.

Я осторожно сползла вниз с помощью Вашека и даже поместилась с ним рядом, в отличие от медведей-дружков. Направила луч за решетку.

Странное дело, свет рассеивался настолько, что мы не могли увидеть ничего по ту сторону. Вероятно, пространство было большим, и лучу не хватало мощности, чтобы дойти до противоположных стен.

– Дай-ка на ощупь проверю.

Вашек просунул между прутьями руку, после попытался протиснуться сам.

– Ты не застрянь там, – посоветовала ему, соотнеся габариты жениха и расстояние между прутьями.

– Да уж, – он разочарованно подался назад, с заметным трудом пропихнувшись обратно, и оглянулся на меня. – А вдруг там до сундука или сундуков рукой подать, а я дотянуться не могу? Представь себе, если у нас под носом целая куча денег. Сколько всего можно купить! Даже дом твой, – хитрец затронул болезную тему, – отремонтировать. И родне всей нос утереть на этом вашем ежегодном сборище.

Я на миг прикрыла глаза, представив лица благодетелей-родственников и то, как они вытянутся. А еще можно будет открыть собственный салон, покинув «Модельных собачек» с их истеричными хозяйками. Ах, мечты! В реальной

жизни подобные клады находят весьма редко, хотя не спорю, что тому виной случайности вроде этой. Но все равно не верю. С другими случается, а со мной жизнь всегда паразитически реальна.

– Ни зги не видно. Сейчас я выбью пару палок и...

– С ума сошел! Потолок рухнет, а следом вообще все осыплется. Это же похоже на темницу-ловушку, как в древности сооружали. Читал про такие?

– Эм-м.

– Выбьешь одну палку, и пошатнется вся конструкция.

Я для верности ухватила разошедшегося жениха за локоть.

– Уж тебе следовало знать. Медальон об окончании гронды за что?

Вашек фыркнул и принялся водить по прутьям ладонями, замеряя пространство между ними.

– Сюша, ты ведь худенькая. Точно пролезешь.

– Мне даже не видно, что там.

– Я буду держать тебя за руку. Попробуй пролезть, если что, мигом затащу обратно.

Признаюсь, я могла бы и дольше колебаться, но обстоятельства сложились такие... будоражащие. Во-первых, любопытство. Во-вторых, надежда. В-третьих, адреналин. И, конечно, ощущение поддержки Вашека сыграло свою роль. Все это вместе перевесило чашу сомнений и опасений в пользу пролезания сквозь прутья.

Застрыла я совсем чуть-чуть в самой выпяченной части тела, но любимый жених с чувством протолкнул сквозь решетку. Он, как и обещал, крепко держал за руку. Я же, прижавшись спиной к прутьям, скользила лучом в темноте. Точнее, сделала попытку. Светоч мигнул и погас.

– Э? – выдал за спиной Вашек, пока я судорожно щелкала кнопкой и в испуге стискивала пальцы жениха. – Что там?

– Светоч не работает.

– Вечно он барахлит в неподходящий момент! – проворчал парень. – Погоди-ка.

Он забрал металлическую трубочку и сунул мне в руку кристалл.

Камень на ладони внезапно разгорелся ярче, словно абсолютная темнота была именно тем, что ему требовалось. Я вытянула руку с веревочкой, позволяя кристаллу качнуться вперед, разбрасывая по кругу лучи. Темнота не отступила, но рассеялась ровно настолько, чтобы лишний раз подразнить, побуждая непрошеного гостя продвинуться еще дальше.

– Ну? – теребил меня Вашек.

– Толком не разглядеть.

Я сделала осторожный шажок вперед, ощущая твердую почву под ногами, и решилась отпустить на секунду пальцы жениха. Еще один крохотный шаг и... сорвалась.

Дыхание перехватило, в ушах засвистело, мысль: «Там кругом был земляной пол!» мелькнула по краю сознания, ла-

дони чиркнули пустоту, и я сиганула вниз с обрыва.

– Вашек! – крик гулом разнесся по темному пространству, когда в легких оказалось достаточно воздуха для вдоха и для призыва о помощи. Голова кружилась, тошнило столь сильно, что, едва прокричав имя жениха, я тут же зажала руками рот. Но мозг работал четко, и он зафиксировал удивительный момент – удара не последовало. Упав, я нисколько не ушиблась, однако ощущение прыжка осталось отчетливым и ярким. А еще вокруг была пещера. Темная, сырая, и стены проглядывали в полумраке, а все кругом неровно освещалось бликами от слюдяных вкраплений в породу.

– Четыре стихии! – огляделась, слушая мерный стук капель воды и неясные шорохи. Кристалл лежал тут же, возле ноги, словно я просто присела на корточки, а не сорвалась в небытие. Его свет оказался удивительно похож на мерцание остальных минералов в этом странном месте.

В полумраке не было видно деталей, но осмотреть закрытое пространство, чтобы в шоке остолбенеть, мне удалось.

– Вот и не верь после этого бабушкам, – прошептала самой себе, чтобы просто услышать голос и понять, это действительно я, живая, невредимая, самую малость тронувшаяся рассудком.

Ущипнула руку и осознала – это все еще я и именно мои глаза видят распятого у одной из стен человека. Словно в какой-то древней легенде – руки за запястья прикованы к скале, ноги вмурованы в гранит, а вокруг шеи широкий метал-

лический ошейник. Голова бессильно свесилась на грудь, а вся фигура выглядит застывшей и неживой. Как изваяние, но выполненное очень искусным скульптором.

— Вашек, — позвала тихо и жалобно, но жених не откликнулся. Признаюсь, если бы мужчина у стены вдруг поднял голову, отреагировав на призыв, я рисковала получить настоящий разрыв сердца, но он не подавал признаков жизни.

Будь на моем месте какая-то другая девушка, например романтическая героиня повести, она бы непременно двинулась вперед к незнакомцу, но я не страдала отсутствием мозгов. По крайней мере прежде. Даже могла похвастать тем, что раньше мои поступки отличались логичностью и последовательностью, если не принимать во внимание факт поиска сокровищ на пару с женихом. Вероятно, там сверху упало что-то на голову, и сейчас бред казался оглушенному мозгу настоящей реальностью.

Стена за спиной, по которой тщетно шарили мои руки в поисках отверстия, поражала шероховатостью, твердостью и полным отсутствием даже намека на выход. Его не было совсем нигде. Замкнутое пространство некой подземной горы, тихий шелест капель, призрачный свет и сгущающаяся в душе паника. Я старательно сдерживала желание заорать и не сдержала, когда в голове раздалось: «Ана».

Визг заполнил собой темное пространство, отразился от стен, разбился о камни и умножился стократным эхом. Когда его отзвуки стихли, я и правда верила, что случится обвал. Но камни не пошевелились, как и человек у стены, к которому приморозился мой исполненный страха взгляд. И это явно не он говорил в моей голове.

«Ана».

Я стиснула уши руками и принялась оглядываться, паника уже трансформировалась в ужас, от которого хотелось забиться куда-нибудь под один из каменных валунов. «Воздух – суть дыхания, вода – источник жизни, пламя – искра сердца, земля – ядро разума. Стихии, даруйте защиту и дайте сил. Проясните мысли, осветите путь». Я шептала на едином выдохе, призывая ритуальной фразой спокойствие снизойти на меня, всегда такую сдержанную и разумную. Спокойствие не снисходило. Оно не сподобилось рухнуть следом за мной к подножию этой горы.

В моей голове звучал голос. Чужой голос.

– Кто такая Ана?! – страх сорвал вопль на хрипящий шепот.

Стихии, может, это капли шуршат? Они всего лишь стучат о камни и выбивают ритм, а для меня он звучит подобно имени?

Я стиснула ладони и задала самый идиотский вопрос в стиле героини из слезливого чтива, над которым здравомыслящие люди – к ним прежде относилась и я – могли только потешаться:

– Кто здесь?

«Никого. Ни одной живой души, кроме тебя», – было самым здравым ответом, но я уже прочно сроднилась с незадачливой героиней, поскольку к глазам подступили слезы, а в мозгу множились голоса.

«Ана, Ана, Ана», – шепот, как легкое дуновение.

– Здесь нет Аны! – визг опять пронесся по пещере, а я сосредоточила взор на единственном объекте, который здесь находился. – Вы, вы... Это вы говорите?

И дураку было понятно, что не он. Значит, ко мне не подходило звание дуры, а вот помешавшейся – вполне. Но как такое могло происходить на самом деле?

И ведь в этот раз не было зелья. Если только мы с Вашеком не надышались ядовитыми парами в том подвале после обвала стены. Это могло стать объяснением? Могло. Пещера, прикованный мертвец, звуки в голове. Откуда им еще взяться?

Капли шелестели, а я слышала голоса. Оглядывалась в окружающем пространстве, и казалось, будто эхо чужих слов отскакивает от стен. Они просили что-то сделать, а может, напротив, требовали не делать. Из этой какофонии я не могла понять ни звука, но при этом слушала: «Сэй Ю Ари Тэ Анна, Мэ Ю Нэр, Сэй Ю На, Сэй На».

Я вздрогнула сильнее, чем когда-либо прежде, ощутив промозглый сырой озноб.

– Вашек? – задрала вверх голову, но увидела лишь потолок пещеры.

Вновь положив ладони на камень, принялась на ощупь передвигаться вдоль стены подальше от застывшей фигуры.

– Я слышу! – крикнула в пространство. – Кто вы такие? Что вы говорите? Что вам нужно от меня?

Всего лишь капли стучат. Это просто вода.

Голоса отдалялись, теперь и звуки стало совершенно не разобрать. Я двигалась быстро на ощупь, позабыв позади кристалл, опустив глаза в каменный пол. Я хотела уйти как можно дальше от застывшей фигуры, пока новый вопль ужаса не сотряс своды пещеры.

В суматошном животном страхе проползла ее по кругу и не просто приблизилась к тому, от чего бежала, но почти коснулась холодной мраморной ладони, прикованной к скале, пока пыталась ощупать камень. Просто вовремя подняла голову, чтобы посмотреть вперед, и увидела застывший профиль на расстоянии вытянутой руки. Оттолкнувшись, упала

и сжалась на полу, крепко обхватив колени и запрокинув голову. Казалось, еще чуть-чуть, и рассудок вовсе покинет меня, оставив насовсем в этой гулкой застывшей пустоте.

— Кто ты? — спросила шепотом. — Я хочу уйти отсюда! Как мне уйти?

Молчание, воцарившееся за чередой безостановочно дребезжащих в голове голосов, оказалось неожиданно громким. Слова отдалились и затихли, погрузив мир в тишину. Я с силой зажмурилась, прижав лицо к коленям, и перед опущенными веками вдруг сделалось нестерпимо ярко. Так ослепительно, что я пропустила падение в очередной омут со сверкающими стенами и темным бесконечным дном. Нырнула на всю глубину, чтобы среди ослепительной тьмы вдруг осознать, что вглядываюсь в омуты чужого взора и всем существом осознаю боль, сладость и тоску, а сердце сжимается от взгляда, способного убить холодной пустотой, за которой едва угадывается боль, моя боль, отраженная стократно. «Ана!» Темный колодец отпускает, выталкивая наружу под бешеный стук в груди.

Я хватаю ртом воздух и откидываю голову.

Стихии!

Это просто сон. А я сижу на полу в темной пещере. Сон? Нет. Воздействие ядовитых паров. И оттого испарина на всем теле. Плохо и тошно. А еще до сих пор больно от ошеломивших меня чувств. И невероятный контраст в ощущениях. Как на острие, по обе стороны обрывы, две противо-

положные сущности. Я представляла их иначе. Не знала, что одна сродни другой и может вот так ломать, выкручивать суставы и резать острым клинком. Острая боль, яркая сладость, огненная тоска. Все чужое. Все не мое. Просто помешательство. Может, стоит лечь, чтобы камень приятно охладил опаленную чувствами кожу. Или же встать? Подойти к тому, что пугает в этой пещере больше всего? Убедиться в его нереальности и покончить наконец со всем бредом.

Приятно лежать с закрытыми глазами и не шевелиться, пока чувства успокаиваются, сердце перестает невозможно болеть. Это ведь не по-настоящему. Все хорошо. И человек у стены ненастоящий. Он пришел из бредового сна, навеянного чужими рассказами, оттого столь страшит.

Тишина. Но обычная. В ней опять слышен стук капель, просто стук капель, и неясные шорохи. А свет вкраплений породы блекнет, погружая пространство в еще большую темноту.

Взгляд вернулся к фигуре у стены. Не исчезла? Нет. Эта часть моего бреда пока оставалась на месте. Надо просто коснуться. Подойти. И мираж сам развеется.

Смутно отметила, как встала с пола и отправилась вперед. Никто не звал, голоса затихли. Я подняла руку. Привстала на цыпочки и потянулась вверх. Лишь прикоснусь и взгляну напоследок в это лицо с закрытыми глазами.

Вблизи стало понятно, почему фигура сперва показалась похожей на изваяние. По коже разливалось слабое сияние

из-за хрустальной корочки, отражавшей сумрачный свет. Точно кто-то заморозил этого мужчину в тончайшем слое льда. Он был холодным. Я ощутила это, дотронувшись до лица. Мираж не развеялся от прикосновения, но отчего-то не было сил бороться с желанием провести по щеке будто только-только задремавшего человека. Словно он вынес тяжёлую борьбу, а после, утомившись, уснул. Опустил голову, кисти рук безвольно повисли в металлических кандалах.

Бедный, бедный. Как жаль тебя. Я прикоснулась легонько, чтобы не потревожить покой. Провела рукой неощутимо, и мгновенно со стоном отдернула.

Кристаллы льда показались сотней ощерившихся игл, оцарапавших кожу. Кровь выступила на пальцах, а вкрапления породы вспыхнули, как настоящий огонь, и погасли. Стало беспросветно темно и ужасно тошно. Голова закружилась. Мир покачнулся, и кто-то резко дернул меня за запястье.

– Сэй!

Вашек потянул к себе, протаскивая сквозь прутья обратно в подвал. Потряс за плечи, ловя бессмысленно блуждающий взгляд.

– Вашек?

– Кто ж еще? Ты что не отвечала?

– Вашек! – я обняла его за шею, прижалась всем телом, чтобы ощутить настоящее живое тепло. Ужасно холодно, а в голове темнота и туман, хотя на полу подвала горел светоч.

– Ты нашла хоть что-то?

– Где?

– По ту сторону!

Я спрятала голову на груди жениха.

– Сэй, да что такое? – он слегка встряхнул за плечи, побуждая вновь посмотреть на него. – Что там есть?

– Там? Темно и...

– И что?

– Камень. Пещера. Холод.

– И все?

Я отпустила его и потерла гудящие виски. Под пальцами словно до сих пор ощущалась шероховатая поверхность. Ладонь покалывало. Разжала и сжала кулак, рука чуточку онемела.

Жених разочарованно принял к прутьям.

– Всего лишь пещера? Может, кто другой нашел вход с той стороны и давно вынес сокровища! А я так надеялся. – Вашек был удручен, а у меня ныло в висках, но это не помешало услышать треск и замереть, напряженно прислушиваясь.

Нет. Не почудилось! Треск донесся со стороны решетки из темной глубины.

– Вашек! Уходим отсюда, сейчас же!

Жених схватил за талию, толкая вверх, к люку.

Глава 3

Нам повезло. Причем очень. И пускай не в том смысле, в каком могло бы, найди мы сокровища, но, на мой взгляд, выбраться живыми – настоящее счастье.

– Еще пара минут, и конец!

Вашек непрерывно оборачивался на рухнувший дом.

– Мне казалось, он гораздо крепче, хоть и старый. Думаешь, там что-то сдвинулось из этих подпорок, когда ты пролезала обратно? Мне почудилось, один из прутьев пошатнулся, пока тебя затягивал. А представь себе, что я там ночью не только клад копал, но еще спал внизу. Мороз по коже! Сэй? Ты чего молчишь?

– Тоже мороз по коже.

А еще едва ноги переставляла. Никогда прежде не ощущала подобной усталости.

Вашек обнял за плечи и крепче прижал к себе.

– Все, никаких больше поисков сокровищ. Сейчас поспим, а как проснемся, сразу в город. Погулял с друзьями, пора возвращаться. Бабушке, пожалуй, лучше рассказывать не буду.

Я была совершенно согласна с его предложением.

Проснулась от легкого прикосновения к щеке. Открыла глаза.

Предраассветный сумрак окутывал комнату. Рядом раздавалось громкое сопение Вашека, чья рука придавила меня к кровати, обхватив поперек груди. А на краю этой самой кровати сидел человек. Лицо в тени, черты скрадывал полумрак, удивительно длинные для мужчины волнистые волосы до плеч закрывали скулы, и не разглядеть выражения глаз, только угадывалось, что он смотрит на меня. Зато отчетливо была видна улыбка. Она изгибала кончики губ, одновременно насмешливая и холодная: «Благодарю».

Легкий наклон головы, а меня пробрал озноб. Стало так волнующе страшно, что захотелось по-детски спрятать голову под одеяло. Я никак не могла понять, что это. Сон, явь? Кто это? Будто раньше слышала его голос, и именно он порождал странные ощущения, вызвавшие мурашки по телу.

Со всей страстью пожелала дотянуться до ладони жениха, а еще разбудить, чтобы он меня защитил. Однако пошевелиться не вышло, даже чуть-чуть, как будто все тело сковало.

Еще одно легкое прикосновение, и мужчина поймал прядь моих волос, протянул по ладони. Красные блики, которые появлялись лишь при отсветах пламени, вдруг заискрили и заплясали по гладкой поверхности, а я внутренне сжалась сильнее, слыша в ушах гул дико колотящегося сердца.

Он выпустил волосы, вновь перевел взгляд на меня, улыбка на губах, намертво приковавшая мой взгляд, на доли секунды стала ярче: «Вот и встретились снова», – а после погасла, точно огонек, задутый порывом ветра. Мужчина на-

клонился, но тут Вашек заворочался, пробурчав что-то во сне, а я крепко зажмурилась.

Когда открыла глаза, за окном разгорался новый яркий день и радостно щебетали птицы. Мне хотелось вспомнить, о чем был сон, но не получалось. Как это часто бывает, стоило напрячь память, как все детали тут же ускользали, а воспоминания смазывались. Я махнула рукой, и только в душе отчего-то осталось неприятное чувство досады.

В лексире, курсирующем между деревенькой и городом раз в день, я дремала на плече жениха, периодически просыпаясь от громкого мужского всхрапа. После глаза сами собой вновь закрывались. На последней остановке разбудил зычный голос водителя, громко крикнувшего «Конечная!»

Вынырнув из полудремы, зевнула и потрясла крепко уснувшего спутника.

– Вашек, проснись.

Никакой реакции.

– Хр-р.

– Вашек!

В салоне оставалось все меньше людей, водитель поглядывал со своего кресла, а жених ни в какую не желал просыпаться.

– Нам пора выходить! – потрясла парня изо всех сил, отчего он лишь громче всхрапнул.

– Вам помочь? – за плечом прозвучал негромкий голос, я резко обернулась. Мне казалось, салон уже пуст, и мы остались единственными пассажирами, вызывавшими недовольство водителя. Пригляделась к предложившему помощь.

Высокий и худощавый, руки в карманах широкого плаща, скрывавшего фигуру. Такой дождевик больше подошел бы для пасмурной погоды, а не теплого солнечного дня. Капюшон укрывал голову, пряча волосы и лоб, как если бы человек мерз и пытался таким образом согреться. Тень в совокупности с ярко освещенным позади мужчины окном скрадывала черты лица, не позволяя рассмотреть даже глаз вежливого незнакомца.

Мужчина застыл, демонстрируя ожидание и одновременно готовность отправиться за остальными людьми, покинувшими салон. Я тряхнула головой, не понимая, отчего напряглась и почему тарашусь на него, как последняя дурочка. Голос показался смутно знакомым? Черты лица странно ускользали от моего восприятия?

Пожала плечами, так и не совладав с нелогичной и странной растерянностью, а мужчина наклонился вперед, положил Вашеку на лоб руку и легонько надавил. Даже подумалось: «Спасибо за помощь, я-то посильнее трясла».

Но каково же было изумление, когда жених раскрыл оловянные глаза и поводит головой из стороны в сторону, пытаясь сообразить, где он находится, пробурчав: «Что так холодно-то!» Мужчина отстранился, повернулся спиной и мол-

ча отправился к выходу. А мне показалось удивительным, что у него даже сумки с собой не было. Хотя подумаешь, путешествует налегке, разве это необычно? Вероятно, тоже из деревни в город. Весь его облик был совершенно зауряден. Плащ не по погоде и даже будто не по фигуре? Случается. Позавчера дождь шел, а он иных вещей не взял, потому и ехал в оказавшемся под рукой дождевике. Ничего странного или хотя бы запоминающегося ни в словах, ни в поведении. Хотя если уж совсем пристально вглядываться, то жесты и манера двигаться показались чересчур плавными и какими-то вкрадчивыми. То ли идет, то ли крадется, а может, и вовсе перемещается точно тень? Я даже вперед подалась, пытаясь запечатлеть в памяти эту его особенность, когда стукнулась головой о стекло, охнула и потерла лоб.

Увлечшись наблюдением за незнакомцем, не заметила, что провожала его глазами, даже когда он вышел из лексира и отправился прочь по улице. Опустив руку, снова прилипла к стеклу, но неприметная фигура в сером наряде затерялась среди спешащих на свои рейсы и покидающих транспортные средства людей. Я искала его среди толпы, пока Вашек не постучал по плечу.

– Сэйна.

– Ой! – подпрыгнула на месте и обернулась. Совершенно забыла про жениха и вконец недовольного водителя.

– Тебя не дозовешься. Пойдем? – парень смотрел удивленно, закинув на плечо сумку. – Ты что там увидала?

– Где?

– За окном.

– А... да ничего, – пожала плечами и поспешила за женихом, решив про себя, что общение с деревенскими бабушками и их травками даром не проходит.

На работе обстановка радовала своей, скажем так, стабильностью – рутина прозвучало бы грубо для столь элитного заведения. Стоило переступить порог, как окунулась в ароматы шампуня, духов и красителей. В коробках на столах переливались украшения, сверкали ленты и банты с бисером и стразами, работали фены, лилась вода, звенели пинцеты и ножницы, шелкали когтерезки, а воздух оглашался истошными «Гав» и «Мяу».

Я постаралась как можно незаметнее просочиться от входа сразу в рабочую зону, где всю колдовал Наби. У лучшего мастера, чьей помощницей была избрана недостойная я, клиентов всегда было хоть отбавляй.

Даже в столь ранний час маэстро уже шелкал в воздухе серебряными ножничками, ровняя белоснежный пух собачки элитной – и, стихии, какой дорожкой! – породы. А еще Наби жаловался, что если заниматься стрижкой домашних питомцев, то он предпочитал шерсть. Пух слишком легкий и мягкий, его так тяжело укладывать!

– И таки явилась, – глянул на меня маэстро, пока облачалась в рабочий фартук.

– А имелись варианты? – Я повязала косынку на голову и открыла шкафчик, где хранились рабочие инструменты.

– Опоздай ты минут на пять, и стрижка была бы окончена.

– Наби, дорогой, я никогда не опаздываю.

– Драгоценная, – маэстро поморщился, он терпеть не мог обращения «дорогой», – если у сей белоснежности пух высохнет быстрее, чем успеешь нанести свои краски, в том будет полностью твоя вина.

Я фыркнула, игнорируя дурное расположение духа нашего светоча парикмахерского искусства, и принялась быстро смешивать цвета в соответствии с выбранной клиенткой цветовой палитрой. В том, чтобы наносить их именно на влажную шерсть, был свой резон, ведь тогда цвета слегка растекались и плавно перемешивались. Этот метод являлся моим изобретением, потому напоминание маэстро казалось лишним и определенно отдавало вредным характером. Колористика была моим коньком еще со времен обучения в кастеллане. А за время работы в «Модельных собачках» (где обслуживали и остальных питомцев) еще не помнили случая, когда я напортачила с окрасом. Однако Наби не забывал держать меня в тонусе, дабы неповадно было опозорить громкое имя наставника. По мне, так стрижка – это лишь полдела, даже несмотря на высокое мастерство. Ведь именно в сочетании с моей техникой «радужного окраса» салон так прославился в городе.

– Ну что твой жених?

Маэстро лениво созерцал, как уверенными мазками живописую по неподвижно сидящему «полотну» с большими карими глазами и подрагивающим носом. Некоторые питомцы были истинным даром художнику, они не кусались, не вырывались, даже не вертелись, милым характером полностью окупая потраченные на их приобретение деньги.

– Офффно, – зажатая в зубах кисть мешала четче произносить слова и служила в качестве элемента, мешающего поддерживать разговор. Наби обожал болтать во время работы, а я терпеть не могла. Это мешало сосредоточиться.

– И когда свадьба? Не за горами?

Нашему великому парикмахеру неразговорчивость собеседника никогда не мешала.

– Ухум.

– Драгоценная, я бы на твоём месте поспешил. Завидный жених. Семья при деньгах, сам красавец, а теперь ещё и гронду окончил. Ему определено светит большое будущее. Хватай же парня, пока не передумал.

– Ф смыфффе?

Умел Наби вызывать на разговор.

– В прямом. Ой, не делай больших глаз, радужная. Будто не он, а ты можешь передумать. Таких парней не бросают, а вот они – напротив. Да не сжимай бедную кисть, чего доброго, перекусишь. Все в курсе, что в вашем роду аристократы потоптались, но ведь они признают тебя со скрипом, а уж про финансирование молчу. У женишка все иначе.

Ага, совсем иначе. На руках носят, ножки целуют. Единственное любимое чадушко. А в нашем роду побочных ветвей хоть завались. Где сами аристократы нагрешили, где предприимчивые натуры примазаться захотели. Хотя, согласно строгому отбору и тщательной проверке, меня признали законной представительницей.

– Не прозевай, рубиновая.

Вот еще одно прозвище от Наби. А мне уже надоели намеки в салоне, что тайком крашу шевелюру, а после заявляю, будто это натуральный оттенок.

– Готово.

Я извлекла кисточку и потянулась к люверу, чтобы просушить и расчесать, а после вернуть обновленную зверушку заждавшейся клиентке. Цвета красиво перетекали один в другой, расцвечивая прежде скучный и однотонный пух во все оттенки радуги. Однако едва я успела нажать на кнопку, как в наш закуток с витражным окошком, отгороженный от остального зала парой кадок с раскидистыми экзотическими деревцами – говорили, фруктовыми, – ворвалась Асем. Полагаю, только опущенная вниз голова спасла от возможности продемонстрировать нелюбимой клиентке самую кислую из моих гримас.

– Ах, Наби, дорогой Наби!

Асем позволялось называть маэстро дорогим. Впрочем, стоимость его услуг полностью оправдывала это обращение. А в ряде случаев наш главный парикмахер мог быть исклю-

чительно терпелив и снисходителен, но только с богатыми клиентками.

– О, моя красавица! – оба звучно расцеловали воздух возле щек друг друга и шумно выдохнули, демонстрируя бурную радость от встречи.

– Наби, мне необходима срочная укладка.

– Но, жестокая, у меня ведь запись.

– Ах, – Асем махнула рукой, – подождут.

И она с чувством извлекла из сумочки своего карманного мопса и сунула в мои освободившиеся руки. Девочка-помощница мгновенно утатила обновленного пухового песика к хозяйке, а мне пришлось изворачиваться, чтобы одновременно не уронить пса важной клиентки и не остаться без пальца. Норов у собачки был под стать характеру владелицы.

– Ты не поверишь, что произошло! Я утром выгуливала Басю и совсем неподалеку от вашего салона столкнулась на улице с мужчиной. Случайно сбила его с ног.

Случайно? Хм. Учитывая, как часто у Асем менялись любовники, она всех сбивала с ног, чтобы убежать не успели.

– Он оказался чрезвычайно мил. Мы разговорились.

Точнее, Асем решила брать незнакомца штурмом и не дала ему уйти, отрезав пути нескончаемой беседой.

– Собрались прогуляться вместе до ближайшего кафе и выпить чаю, когда я вспомнила, что у Басечки шерсть очень некрасиво отросла после прошлой стрижки.

Наби поджал губы, но промолчал. После его стрижек

шерсть просто не могла некрасиво отрасти.

– Разве можно, в самом деле, идти на встречу с таким мужчиной без укладки?

– Конечно, прелесть, – маэстро одарил клиентку великодушной улыбкой, – это стало бы катастрофой. Ты столь ухожена и элегантна, а у песика волоски топорщатся после ветра. Сегодня снаружи на редкость неприятная погода.

Я бросила взгляд на освещенные ярким солнцем окна и тихо хмыкнула.

– Ты абсолютно права, остальные подождут. Но где же твой мужчина?

– Вон там. Я пригласила заглянуть на минутку в салон к близкой подруге, которой обещала вернуть одну вещь.

Асем хихикнула, а я небрежно глянула в том направлении, куда она вожделенно тыкала, и застыла. Сознаюсь, не справилась с собой. Застыла, открыла рот и мигом была укушена за палец, что быстро вернуло в реальный мир. В тот самый, в котором невероятные мужчины приходили в салон в сопровождении разных Асем, а моим уделом было не дать сбежать удачно отловленному жениху.

– А мужчине не требуется укладка? – буркнула под нос, больше от досады на боль в кровоточащем пальце.

– Завидуешь, милочка? – у Асем слух отличался остротой лишь в моменты, когда ей это было выгодно. Если нищий просил ее на улице о монетке, дамочка презрительно морщила носик (сама наблюдала) и небрежно отворачивалась в

другую сторону, демонстрируя абсолютную глухоту.

– У него необычно длинные волосы, – отмахнулась от Асем и принялась профессионально и виртуозно, шустро обмотав палец эластичной лентой, наносить на кожу Басюшечки специальный гель, благодаря которому шерсть ложилась волосок к волоску. При этом умудрялась ловко избегать повторного укуса.

– А на мой взгляд, невероятно притягательно, когда у мужчины кончики волос так волнительно касаются шеи, словно в старых романах. Не находишь, Наби? Это очень красиво.

Клиентка обращалась исключительно к маэстро, поскольку кто я такая, чтобы со мной говорить дольше минуты, но при этом глаза ее победно сверкнули. Наби ответил нечто невразумительное, недовольно блеснув абсолютно голым черепом. Я же замечание проигнорировала. В свое время Асем очень старалась привлечь внимание Вашека, когда он заглянул ненадолго ко мне на работу. Однако жених красой земной пренебрег (у него прежде таких Асем было пруд пруди), на что элитная клиентка затаила обиду.

– Да, он шикарен, – совладал с собой Наби, цепким взглядом профессионала окинув мужчину с головы до ног и рассудив, что шикарность одного не умаляет породы другого. Человек же, которого все столь бурно обсуждали, в свою очередь, абсолютно не заботился о чьем-либо мнении и был поглощен видом из окна. Он наблюдал за спешащими на ра-

боту людьми и едущими по ту сторону повозками, тележками, а также изредка мелькавшими среди остального транспорта элитными ройерсами, мягко везущими своих счастливых владельцев. Выглядел мужчина при этом столь отстраненным, точно мыслями находился далеко-далеко.

– Харизма – великая вещь, – меж тем вещал маэстро, пока я пыталась сосредоточиться на работе. Честно говоря, Наби не рисковал прикасаться к кусачим мопсам и перекладывал ответственность за укладку на меня, но при этом считалось, что заслуга принадлежит именно маэстро. Как много раз повторял великий парикмахер: «Это я тебя всему научил, стоит быть благодарной».

Чудом избежав острых зубов, ухватила за щетку, собираясь причесать неблагодарную псину, и почти совладала с иррациональным желанием пялиться в сторону окна. Вовсе не было ничего выдающегося в том незнакомце, кроме длины его волос. Внешность как внешность. Черты лица даже излишне резкие и обозначены столь выразительно, будто лепивший их скульптор слишком старался при создании шедевра. Это в точности как если бы я взялась не за широкую кисть, а каждый волосок окрашивала тонкой кисточкой отдельно. Напрасная трата сил. Вашеek выглядел намного симпатичнее. Здесь же секрет крылся исключительно в харизме, как верно подметил маэстро. Есть личности, привлекающие к себе внимание с первого взгляда, просто потому что им природа дала личную притягательность, способную сражать

людей. Вот и все.

Мужчину, сбитого Асем, вдруг оторвали от отстраненного созерцания, предложив свежесжатый сок, и он элегантно взял бокал, мимолетно оглядев место, где очутился. Вероятно, он осматривался в поисках новой знакомой, но на миг наши взгляды встретились. У меня закололо в висках, сердце так резко сдавило, что не вдохнуть, кровь запульсировала в ушах горячим током, складываясь в монотонный шум, в котором проступали звуки, размытые образы, красные блики на прядях, треск ломающихся перекрытий, а человек у окна чуть наклонил голову и улыбнулся. Почти незримо, уголками губ. Расческа выпала из рук и громко ударила о стол.

– Ты что творишь?

Громкий вопль Асем перекрыл стук шального сердца и заставил взглянуть на собственные перепачканные краской руки. Я перепутала предметы и вместо выпавшей расчески схватилась за баллончик, сильно сдавив. На кусачего песика пролилась струя ярко-зеленого цвета.

Стоит отметить, что краска в нашем салоне использовалась высокого качества, потому была стойкой и насыщенной. И вот теперь Басик с благородно-шоколадным оттенком шерсти обзавелся неровной кислотно-зеленой полосой.

– Наби, эта гадина нарочно испортила Басюшечку!

От визгливого голоса я поморщилась, тщетно пытаясь совладать с разыгравшейся мигренью, как вдруг Асем добавила ультразвука, еще оглушительнее возопив: «Стойте, куда

же вы?»

Мужчины у окна уже не было. Вероятно, он поднялся при первых же звуках ругани. Прекрасный облик очаровательной незнакомки окончательно и бесповоротно рассыпался под воздействием громкого визга. Истинный голос Асем, не сдобренный искусственной певучестью, всегда вызывал у меня желание заткнуть уши. И кажется, не у меня одной. Новый поклонник ушел, и теперь весь салон имел честь наблюдать через окно за его удаляющейся фигурой.

– Это ты, это все ты!

Гнев клиентки пришелся на мою голову.

Глава 4

– И вот так с ходу уволили? – Миранда, отдуваясь, волокла тяжелый тюк, за которым оставалась внушительная полоса, четко обозначившая разницу между грязным и относительно чистым полом.

– Сперва потребовали извиниться.

– А ты?

– Конечно, извинилась, напортачила ведь.

– А потом?

– А потом уволили.

– Вот так взяли и уволили? – повторно возмутилась Миранда. – Ты сколько лет проработала в салоне? Ведь сразу по завершении учебы туда пошла! Я точно помню, мы просматривали варианты. А ты увидела объявление о помощнице этого главного парикмахера, и тогда вместе к нему пошли. Я сразу сказала: «Нет», когда увидела расстроенных девчонок, что он выгнал, а ты все равно отправилась на собеседование.

– Да, и меня он тоже развернул, поскольку опыта не было, только сертификат об окончании обучения. – Я ногами подталкивала ящик с красками, так как спина уже нещадно ныла от всех перетасканных с перевозной тележки тяжестей.

– Ты не расплакалась и не ушла, а заявила, будто он сам не понимает, как много теряет, раз не берется испытать истинно талантливого колориста.

– Еще бы мне плакать, – хмыкнула, вспоминая тот день, – ведь прошла закалку всей родней. Так буду еще реагировать на грубости людей, которые меня и вовсе не знают.

– И ты его сделала! Эх, Сэйна, вот что меня всегда в тебе восхищало.

Я взглянула на подругу и подумала, что меня в ней восхищает безмерная преданность тем людям, которых Миранда допустила в ближний круг. Очень редкая черта в современном мире. Вот и теперь она единственная откликнулась, и сама предложила помочь, когда остальные оказались заняты.

– Но все же, как они могли? – Мира, отдуваясь, прислонила тюк к стене. – Вот так сразу уволить!

– Не сразу, а после большого скандала.

Мне припомнили, кажется, все промашки, допущенные с первого дня работы. Ведь речь шла о постоянной и одной из самых богатых клиенток, а она, не церемонясь, вызвала подруг, которые устроили настоящий разбор недостатков одной ущербной колористки.

Я вздохнула, тщетно силясь не показать, как на самом деле обидело отношение коллег, не вставших на мою сторону, и сколь непросто оказалось вынести унижительную головомойку, особенно потому, что мстили не за ошибку и ту ядовито зеленую полосу, которая со временем сойдет, а за ушедшего поклонника.

– С другой стороны, все к лучшему. Значит, пришла пора двигаться дальше. Вот открою собственный салон, только

заем возьму.

Я старалась выглядеть уверенно, хотя в душе вовсе не стремилась к столь резкому повороту в жизни. Предпочла бы задержаться на привычной работе и еще немного подкопить денег. Жаль, что длинноволосый незнакомец не прошел мимо нашего салона в тот день.

– Сэй.

– Что?

– А Вашек всерьез сказал, будто это реальный прокол, потому он не пойдет в салон и не станет за тебя заступаться?

– Ты забываешь, что у его семьи целая империя в сфере услуг. Думаю, он с детства впитал главное правило – клиент всегда прав.

Теперь я отвернулась, будто ища место, куда втолкнуть еще один ящик с вещами, а на деле пряча от Миры выражение лица. Себя не обманешь: из-за реакции жениха было обидней всего. Вашек имел определенный вес в том обществе, что обитало в нашем салоне, он и правда мог заступиться. Но ему претило идти и просить за проштрафившуюся невесту. Он был выше этого, потому просто хмыкнул и сказал: «Найдешь новое место». Не принимая во внимание моих чувств и того, сколько сил было отдано предыдущей работе, сколько души вложено в то дело. Ведь, по сути, это я обзаводилась новыми клиентами благодаря собственной технике, а салон присваивал мои заслуги и, конечно же, ни за что теперь не отпустит постоянных посетителей, а если

попробую составить конкуренцию, то без хорошей поддержки провалюсь на первом же этапе.

– Сэй, послушай, – подруга огляделась, – а не страшновато сюда переезжать? Пускай район в целом неплох, но дом такой старый. Сколько времени стоял нежилой, а ты здесь одна.

– Кроме него, у меня нет жилья, а сбережения понадобятся, чтобы открыть свое дело.

– Вероятно, это опрометчиво вот так круто менять жизнь? Понимаю твоё желание утереть всем нос, но вдруг потом начнешь жалеть? С работы уволили, а от жениха ты съехала. Теперь одна в таком месте. Еще и половицы скрипят, точно вот-вот развалятся.

– Все хорошо, Миранда, не переживай за меня. С соседями я знакома. Все-таки иногда навещала сюда. А полы вполне крепкие, и стропила, и потолки. Я когда дом унаследовала, заказала полную проверку его состояния. Так что, по сути, здесь можно обойтись небольшим ремонтом, а на самом деле ему требуется очень генеральная уборка.

– Ну-ну, – подруга оглядела затянутые паутиной темные углы, чистую дорожку в пыли, стекла в трещинах и вздохнула. – Может, не стоило ссориться с Вашеком?

– Перестань тревожиться. Уже темнеет, тебе пора домой к малышке. И так полдня провозилась со мной, а соседке скоро и самой уходить.

– Да, – вздохнула подруга, – она говорила, что после вось-

ми пойдет к себе, у нее муж должен с работы вернуться. Осталось полчаса.

– Как раз чтобы успеть добраться домой.

– А тревожную кнопку ты проверяла? – Миранда потянулась к приглушенно светящемуся зеленому огоньку на стене.

– Исправно работает, не нажимай, – остановила ее. – Иначе приедут, и придется платить за ложный вызов.

– А она только здесь?

– В каждой комнате. В прошлую проверку мастер всю охранную сеть починил, вышло недешево.

– Ну, хорошо, – Мира потянулась ко мне и обняла.

– Поезжай. Я попросила перевозчика подкинуть тебя по дороге до остановки. Хороший парень, без проблем согласился.

– Спасибо. – Она снова огляделась и показалась мне такой расстроенной, что я решительно взяла ее за руку и потянула к двери.

– Со мной точно ночевать не годится, ведь ребенка сюда не привезешь. Вот обустроюсь, тогда и приглашу. Ну все. Пока.

Поцеловала ее в щеку и выпроводила за дверь, послушав, как зашелестела колесами тяжелая тележка перевозчика, отъезжая.

Настроение было лучше ожидаемого, ведь верная подруга, прежде чем приступить к переезду, привезла бутылку крепкого самодельного вина. На этой волне мы вдвоем

неплохо организовали перевоз вещей из квартиры Вашека. Даже сейчас эффект не до конца рассеялся, позволяя мне запереть засов и бодро оглядеть новое жилье, а не скатиться в слезы и сопли.

– Ничего. Вполне справлюсь. Это не на улице ночевать.

И не к жениху возвращаться, поджав хвост. Ведь не застучаться за невесту – полбеде, а вот наблюдать с усмешкой за ее сумбурными сборами с заявлением: «Ну давай, самостоятельная, поглядим, насколько тебя хватит», – уже верный путь этой невесты лишиться. И конечно, я бы не отправилась в старое наследство на ночь глядя, но снять иное жилье за столь короткий срок было невозможно, пойти в венту³ – дорого (расчет за месяц ожидался в конце недели, а деньги пригодятся, пока нет новой работы), остаться у Вашека после скандала – точно снизойти до уровня «Гляди не упустя жениха». Я сама смогу многого добиться и даже доказала это, закончив с отличием учебу и устроившись на работу без малейшей поддержки со стороны родственников. Вот и поглядим, кто кого.

Обустройство на новом месте сошло на нет около полуночи. Тогда ноги, руки и спина отказались служить хозяйке, а матрас, расстеленный на полу отмытой, примыкавшей к залу кухни, так и манил прилечь. Я проверила все замки, заперла дверь кухни и, устроившись с относительным комфортом, уснула столь быстро, как только засыпает здорово уставший

³ Вента – заведение, предоставляющее комнаты для съема.

человек. Полагаю, что могла бы крепко проспать до самого утра, не разбуди меня посреди ночи скрип половиц.

Проснулась мгновенно и резко, подтянув к себе длинную кочергу, которая обнаружилась здесь же на кухне, возле очага, и которую на всякий случай положила рядом. Встала осторожно, ступая на цыпочках. Половицы поскрипывали и подо мной, но не так отчаянно громко. Я прильнула к замочной скважине и попыталась рассмотреть большой зал, освещенный лунным светом.

Вот оно! Отпрянула в испуге, покрепче сжав вспотевшей ладонью кочергу. Какая-то тень проскользила по комнате. Этот кто-то ходил, не таясь, неспешно осматривая окружающее пространство. А теперь я услышала, как его шаги замерли за дверью кухни.

Отпрянула, прижалась к стене и, подняв кочергу выше, второй рукой принялась нащупывать тревожную кнопку. Нашла. Нажала, ожидая услышать протяжную трель, но ничего не произошло. В панике вдавила кнопку еще несколько раз, даже скосила на нее глаза, чтобы увидеть погасший огонек, прежде ярко светившийся равномерно зеленым. Он не горел, точно и правда был неисправен. Но ведь кнопка работала!

Тут все рассуждения покинули голову, поскольку ручка повернулась, дверь дернулась раз-другой, стукнув о задвижку, а я сжала кочергу обеими ладонями.

Ожидала, что сейчас взломщик попробует вынести пре-

граду, но не тут-то было. Медленно, со скрипом задвигаясь, отъехала в сторону, и дверь отворилась. Кто-то вошел.

Дрожащие руки резко опустили оружие и... промахнулись. Кочерга проскользила по краю света-тени, как проходит по маслу острый нож, и воткнулась в пол, проделав в доске дыру и намертво застряв.

Все еще в состоянии глубочайшего шока, я в первый момент дергала ее, попутно стараясь принять решение, как быть дальше, когда до мозга дошло, что бесполезно пытаться вытянуть оружие и самое умное – поскорее мчаться на выход. Только мешала отворенная створка, а еще темная тень на моем пути. Тот, кто вошел в комнату и так удачно и стремительно отпрыгнул с линии удара, обернулся, заметил мое движение к выходу и с силой толкнул дверь, заставив ее захлопнуться.

Это был миг, когда я осознала себя загнанной в угол и морально приготовилась сопротивляться: бороться, кусаться и визжать. Я даже набрала в легкие больше воздуха, когда услышала спокойное: «Доброй ночи. Прошу извинить за вторжение».

Знакомый голос, от которого в голове зашумело и вымело прочь остальные мысли, кроме единственного вопроса:

- Как вы открыли дверь?
- Магией.
- Чем?

В ответ он щелкнул пальцами, и светильники ярко загоре-

лись. Те самые светильники, которые точно были неисправны, поскольку я до сих пор не собралась поменять старую проводку. Но они горели! Они горели, а кнопка – нет.

Бегло обежала взглядом ровные огоньки света. Стена послужила опорой, когда перевела ошарашенный взгляд со светильников на человека перед собой.

И я всерьез жалела, что невероятные мужчины не приходят по мою душу и остается довольствоваться удачей, подкинувшей завидного жениха? Готова отпустить эти сожаления. Мне гораздо лучше и спокойнее жилось прежде, когда...

Я судорожно вдохнула и выдохнула.

...когда шикарные мужчины не появлялись передо мной посреди ночи, отворяя двери, зажигая светильники, говоря о магии. Какая, к стихиям, магия?! Он сюда из сказки явился? Из страшной сказки!

Он стоял и оглядывал комнату. Не обошел вниманием ни старый потолок с кусками отвалившейся краски, ни кочергу, ни дырку в полу. Сделал рукой некое движение, словно хотел что-то поймать в воздухе, раскрыл пустую ладонь и задумчиво нахмурился. Затем я удостоилась взгляда от головы до кончиков босых ступней с поджатыми от испуга пальцами. Когда он посмотрел мне в глаза, то перед ними все закачалось и поплыло.

– Непривычное место, пустое. Тебя спрятали здесь, Ана? Или, может, заперли?

Ана? Я слышала это имя!

– Меня зовут Сэйна.

Зачем ответила? Почему сказала, как меня зовут?

Мужчина подступил. Протянул руку, беря за подбородок, а я приготовилась ухватить его за плечи и со всех сил садануть коленом в самое уязвимое место, когда незванный посетитель резко отстранился, захватив попутно прядь моих волос. Он пропустил ее сквозь пальцы, напомнив о чем-то, виденном прежде. Красные искры вспыхнули, пробежали по волосам и погасли в его руке.

– Тебе изменили внешность?

– Вы меня спутали с кем-то?

– Воспоминания?

– Вы не в себе? Уходите немедленно! Это мой дом, и я сейчас позову на помощь!

Так чего же еще не зовешь, Сэйна? Ты тоже не в себе?

Я открыла рот, чтобы громко закричать, надеясь, будто треснувшие стекла пропустят этот звук и донесут до ушей соседей, когда мужчина уточнил:

– Не Ана?

Бросив взгляд в сторону застрявшей кочерги, я постаралась максимально подавить панику, отвлекая его внимание разговором, а попутно придумывая варианты побега. Зря только понадеялась на кнопку и спокойный район.

– Кто вы такой? Зачем преследуете меня? Ведь это вы были сегодня в салоне?

Окинула взглядом его дорогое летнее пальто.

– А еще... в лексире тоже были вы, только в дождевике?
Кто же он? С кем меня спутал?

– Другая речь, другой голос, другие манеры. Ты столь мало похожа на нее, но лишь ее кровь могла вернуть.

– Это ошибка. Я даже не знакома ни с кем по имени Ана.
Вы явно зашли не в тот дом.

– Не в тот дом, – повторил он задумчиво.

– Послушайте, – я попыталась умирить панику и говорить спокойно, не повышая голоса, – если нужно отыскать какую-то девушку, то вам могут помочь, но совсем в другом месте.

Наблюдая, как он отвернулся и медленно пошел по комнате, разглядывая всякие мелочи, вроде захваченного мной приемника, оставленного на старой, отмытой стойке, попыталась втолковать мужчине мысль, что я не та, кого он разыскивал. Попутно потянулась к ручке, делая осторожные шажки к двери.

– Вы перепутали меня с кем-то, а потому вломились в мой дом, – что само по себе странно, но менее важно, чем попытка убедить его уйти или отвлечь, чтобы выскочить за помощью, – поверьте, мы раньше не встречались. Однако в нашем веке уже изобрели немало способов нахождения человека. Вам стоит лишь...

Он небрежно махнул ладонью в сторону двери, отчего вдруг раздался громкий щелчок, а я ошарашенно оглянулась на проскользнувшую в свой паз задвижку.

– Не откроется, – сказал мужчина, скинув на стул пальто, а сам облокотился спиной на стойку, разглядывая меня теперь на расстоянии.

Мои глаза намертво приковались к худой изможденной фигуре, обтянутой эластичной рубашкой с короткими рукавами. Сквозь белую ткань проступали ребра, словно этого человека долго морили голодом, или же он совсем мало ел в последнее время. По лицу это было почти незаметно, если не считать того, как резко обозначились скулы, однако тело...

– Вам нужна помощь, – вырвалось у меня.

– Мне? – он улыбнулся. Как же не по себе становилось от его улыбки. Легкая вельта⁴, надетая в постель, не спасала от озноба. Я начинала путаться, морозило ли это от стены, проходясь ледяным дуновением между лопаток, или то был холод его улыбки. Еще легкий изгиб губ вызывал какое-то смутное чувство, отличное от беспокойства, знакомо-забытое волнение...

– Значит, тебя больше не зовут Ана? – кивнул он, словно наконец согласился. – Теперь твое имя звучит как Сэйна?

Услышал? И запомнил. А если он не совсем сумасшедший? Или же очень умный сумасшедший, что, однако, не меняло положения вещей.

– Меня всегда так звали.

– Сэйна, – повторил он, а я прижала ладони к груди и крепко стиснула их, следя за ним взглядом, – звучит иначе

⁴ Вельта – майка и штаны для сна из тонкой ткани.

и потому ни о чем не напоминает.

– И не может напоминать! Это ведь другое имя!

– Ты произнесла: «В нашем веке», – вновь продемонстрировал он отличную способность слышать и запоминать, – у него есть год?

– Конечно, – волнение, страх, недоумение перемешались в совершенно невообразимый коктейль, мне уже с трудом удавалось контролировать себя в достаточной мере, чтобы связно отвечать и перестать слишком пристально таращиться на его тело и излишне худощавые руки, хотя кисти и пальцы оказались удивительно красивыми, – трехсот двадцать седьмой.

Мужчина недоверчиво качнул головой:

– Куда же канули два предыдущих столетия?

– Не поняла.

А он словно задумался. Сложил пальцы домиком и опустил голову, произнося негромко:

– Пустой мир без силовых потоков и век иного времени.

В каком измерении ваше пространство?

– В трехмерном... – о чем мы вообще беседовали? Я начинала совершенно терять нить разговора.

Он воззрился на собственные сцепленные ладони, а голос стал едва громче шепота, но мне удалось разобрать фразу: «В пустом мире не выжить так долго».

Пользуясь тем, что он сосредоточил взгляд на сцепленных ладонях, я сделала более широкий шаг и окончательно за-

крыла спиной дверную ручку, заведя руку назад и нащупывая задвижку, попутно стараясь болтать почти беззаботно. Даже сделала попытку пошутить:

– А вы что же, заблудились во времени и пространстве?

Вероятно, это просто ментально больной человек, которому я напомнила давнюю знакомую. Ему ведь определенно требовалась помощь. Но для того желательно было сперва очутиться на улице и иметь шанс эту самую помощь позвать.

Задвижка оказалась в моих пальцах, и я резко потянула за нее, намереваясь вытянуть из паза, но та вдруг не сдвинулась с места, словно заклинило.

– Говорил, не откроется, – поднял глаза странный мужчина, ввергая меня в новую дрожь. – И я не заблудился. Мне нужно лишь найти путь.

Он рассеянно провел пальцами по гладкой столешнице и, наткнувшись на миниатюрный брелок в форме песочных часов, принялся отстраненно рассматривать. Этим незнакомец окончательно убедил меня в верности заключений о его душевном состоянии. У нездоровых людей перепады в настроениях и невнятные рассуждения не редкость. Может, он сейчас вовсе впадет в меланхоличное созерцание песчинок, а я убегу? Только чем подцепить эту щеколду, ведь через окно не хотелось бы. Опасно пробивать стекло собственным телом, но что еще можно сделать?

– Два века.

Чуть не вздрогнула, сосредоточившись на плане побега и

отвлёкшись от главного.

– Немало.

Кивнула, поймав его взгляд. Я слышала, с душевнобольными людьми нельзя спорить. Нужно во всем с ними соглашаться, чтобы усыпить бдительность. Потому кивнула еще раз. Только результат оказался далеким от ожидаемого. Мужчина оттолкнулся от стойки и направился ко мне.

– Прости, Сэйна, мне требуется больше сил на задуманное.

– Конечно, – снова согласилась, – вам бы поесть, поспать, и все придет в норму.

– Не у того, кто был мертв две сотни лет. Нужна кровь.

– Ч-чья?

– Твоя.

На сердце никогда еще не холодело столь стремительно, даже лопатки примерзли к дверному полотну. И ведь до последнего не хотелось верить в самый страшный исход. Он и правда маньяк, из тех, кто присматривал жертв в разных местах, типа салонов красоты. Находил простых девушек, следил за ними, а когда наступало время, приходил и пускал кровь. Или выпивал? Стихии, защитите меня!

– Послушайте, – голос дрожал, мужчина замер возле воткнутой между нами кочерги. – Кровь вовсе не питательна. Совершенно! И она ужасна на вкус. Вам просто кажется, будто это поможет. На самом деле вам требуется другое. Может быть, деньги? Мой жених Вашек точно заплатит. Правда. Я

в этом уверена.

Он нагнулся и на удивление легко вытянул из досок кочергу. А пока выпрямлялся, я со всей силы толкнула его, а сама кинулась к окну, уже не заботясь о том, насколько опасно можно пораниться.

Ох!

Никогда бы не заподозрила столь моментальной реакции и сил в отощавшем теле. Я даже и нескольких шагов не пробежала, когда мужчина поймал за плечо, резко развернул и выпустил, а инерция сыграла злую шутку, впечатав мое тело в стену.

Ударилась лопатками, вдавилась спиной. А когда он протянул ладонь, закрылась руками. Кочергу мужчина отбросил, но вот сжимали ли его пальцы нож или от страха пригрезился металлический блеск, однако я с силой зажмурилась. Слюна сделалась вязкой, в горле стало сухо, а сердце замерло от ужаса, и стена показалась мягкой и тягучей, точно кисель.

Дурнота, накатившая неожиданно, ощущение падения спиной вперед, тошнота и перед зажмуренными глазами вдруг стало очень ярко! Распахнула их и увидела зал. Большой зал собственного дома, обставленный дорогой и вычурной мебелью. Он был освещен лучами восходящего солнца, просачивавшимися сквозь чистые окна. Прежде шаткая лестница, уводящая на верхний этаж, оказалась застелена ковром, а ее отполированные поручни блестели. На нижней

ступеньке замерла девушка со стопкой полотенец в руках, похожая на горничную из венты. Я привстала на локте, она взвизгнула.

– Простите... – от шока почти совсем пропал голос. Повернулась на четвереньки, начала подниматься, а девушка завизжала еще громче. Визг спровоцировал топот на втором этаже. Сразу несколько человек выбежали на площадку и перегнулись через перила, поглядев вниз. Среди них одеждой и статью выделялся один мужчина, строго крикнувший:

– Что вы делаете в моем доме? Как вы посмели открыть портал? Как пробили защиту?

– Что пробила? Это, это мой дом, – снова обвела взглядом пространство, – был.

– Схватите ее, – кивнул на меня мужчина, и трое сопровождающих кинулись вниз, только мне не захотелось их дожидаться. Для нервов это был явный перебор. Я вскочила и зайцем метнулась ко входной двери.

– Дверь не откроется посторонней! – успел прокричать тот, кто назвался хозяином моего дома, когда я, не слушая, вывалилась на улицу и захлопнула створку за собой. Процесс прохождения сквозь проем вновь сопровождался тошнотой и головокружением, а потому я не удержалась на ногах и свалилась прямо на дорогу. Резкий сигнал тележки торговца, мчавшейся прямо на меня, уловила, но среагировать не успевала. Только вновь бессмысленно закрыла голову, когда меня больно вздернули за руку и успели вытащить из-под

колес в последний момент. Лицо одержимого кровью спасителя уже смазывалось перед глазами из-за слез накатившей истерики. Не знаю, из какого прибежища для душевнобольных он сбежал, но появлялся реальный шанс составить ему там компанию по возвращении.

– Идем! – он быстро затащил меня обратно в дом, махнув рукой прокричавшему «Ненормальная!» торговцу. Тот едва успел совладать с управлением тележкой, которую резко повело в сторону из-за вывернутого руля. И ведь я рванулась из захвата, чтобы дать деру вслед повозке, но маньяк легко преодолел сопротивление. Отчетливо прозвучал щелчок дверного замка. Холл снова оказался пуст, безлюден и знакомо пах пылью. Потемневшая лестница с частично прогнившими ступенями вела наверх.

– Ты открыла портал? – уточнил душевнобольной.

Я пожала плечами. Оступение снизошло внезапно. Вкупе с упадком сил. Тихо-мирно почить от потери крови представлялось теперь не столь страшным делом. Подумаешь! Маньяков полным-полно, а здесь и тосковать никто не станет. Вашек даже не возьмет на себя труд мстить за безвременную кончину невесты.

– Не в первый раз? – продолжал попытки расшевелить меня кровопийца. Полагаю, вид мой был таков, что даже до ненормального взломщика дошло – это лучший момент для проведения ритуала. Жертва отказывалась сопротивляться.

До кухни маньяк меня дотащил, крепко сжав плечи. Довел и на стул усадил, а сам принялся открывать ящики стола.

– Где еда? – спрашивал он, напрочь игнорируя банки с консервами.

– Здесь, – показала на шею.

Он странно поглядел на меня, качнул головой и вдруг проявил заботу.

– Тебе нужна еда. После прыжков наступает истощение. Где ее взять?

– А зачем кормить меня, если собрались убивать? Вы за один раз не откормите.

Мужчина в этот момент отыскал хлеб в пакете и извлек его наружу вместе со складным ножом.

Содрогнулась. Апатия потихоньку отступала.

– Открытие порталов – редкий дар, – принялся говорить он. – Один из самых редких. Ана им не владела.

– О, почти поверили? А вам чья кровь нужна, ее или моя?

Ответа не последовало. Я с опаской отклонила от руки с ножом, хотя тот даже не глядел острием в мою сторону.

– Вы уже убедились, что я не Ана?

– Ты так говоришь.

– А вы не верите на слово?

Передо мной оказался кусок хлеба с сыром, и, позабыв продолжение речи, так вгрызлась в него, будто никогда еды не видела.

– Верить? На слово? Забавно.

Мужчина устроился напротив. И вот он-то, заморенный голодом, ел гораздо медленнее и аккуратнее. Ел и рассматривал меня. Снова. Причем особенно тщательно изучал волосы.

– Галлюцинации? Фокусы? Что это было? – едва ощутив

приток сил, рискнула разобраться в вопросе. Маньяк по-прежнему следил за мной, сокращая шансы добраться до выхода, но, вероятно, перестал считать Аной. А ведь она ему явно чем-то насолила, раз обладала такой вкусной кровью (может, в клинику упекла, где его морили голодом?). – Вы распылили в воздухе некий препарат, чтобы у меня разум помутился?

– Нет.

– Тогда что случилось?

– Твой дар.

– Какой?

– Магический.

Смешок вырвался непроизвольно.

– А, снова магия.

– Да.

Он опустил глаза и опять поднял, заставив нервно ухватиться за шею, по которой скользнул его взгляд. Однако мужчина не обратил внимания, продолжив нашу поистине странную беседу:

– Что у тебя за семья? Помнишь имена своих предков? Ты всегда жила в этом мире, с самого рождения?

Удивительное дело. Я не понимала, как так случилось, но теперь, когда он перестал излучать угрозу и перешел на совершенно иной тон, мне дико захотелось рассказать ему все. И, может, заслужить одобрение. Стихии! Чье одобрение? Маньяка? Тряхнула головой, собираясь хорошенько ее

прочистить, когда мужчина вдруг напрягся и взглянул в сторону двери.

– Сэй! – раздалось из холла.

Вашек пришел! Какой же он замечательный, а еще очень сильный, только нужно его предупредить...

Почему странный маньяк реагировал стремительнее меня? Наверное, потому, что иначе я бы давно сбежала. Или попала под тележку.

Вскочила со стула на мгновение позже него. В голове мелькнуло – сейчас схватит нож и кинется к двери, но он поймал меня так быстро, что и пикнуть не успела. Толкнул на матрас. Навис сверху, прижав грудью к постели, на миг мы встретились глазами, и он закрыл губами мне рот.

Я слышала, как дверь скрипнула, отворившись. Вашек зашел. С легкостью можно было представить открывшуюся глазам картину. Его девушка на постели целуется с каким-то мужиком. Я имела отличный шанс угадать его мысли на этот счет. Проблема состояла в другом: адекватно реагировать на происходящее оказалось выше моих сил. Все в жизни, начиная с ночного пробуждения, перестало быть нормальным и перевернулось с ног на голову, с момента появления в ней душевнобольного маньяка. А потому все сложилось вот так.

Здесь оказался мой жених, и он мог бы помочь, но... Там, где я вдруг очутилась, стоял аромат сумеречного леса, приглушенный полумрак с шелестом листвы. Густой туман, скрывавший очертания предметов. Место силы и ста-

рый сон. Украденные у вечности секунды, в которых ожидают древние легенды. Не существует круговерти забот, нет страха и разочарований. Здесь реально волшебство и встречаются странные, невероятные мужчины.

– Сэй!

Я все еще была в комнате, как и неадекватный маньяк, чей способ не дать позвать на помощь оказался столь эффективен, что, попробуй я теперь закричать, Вашек бы не услышал. Из-за собственной ругани и целого ведра словесных помоев, пролившихся на мою голову.

Готова поклясться, что незнакомец отстранился спустя две или три секунды после того, как губы соприкоснулись, но я молчала дольше. Вашеку же хватило общего времени, чтобы сделать нужные выводы.

В себя пришла после слов: «Ну и пошла ты!» и громкого удара двери. Не среагировав в правильный момент, только сейчас со злостью и решимостью ударила отстранившегося мужчину и сумела столкнуть в сторону. Он откатился, а я в кои-то веки оказалась достаточно проворна, чтобы вскочить и ринуться к выходу.

Выскочив на улицу, которая уже заполнилась народом, увидела над толпой голову Вашека, стремительно идущего прочь. Сделала несколько шагов вслед за ним и остановилась, провожая взглядом. Замерла посреди тротуара, пока спешащие прохожие огибали препятствие в моем лице, задевая локтями и плечами и приглушенно ругаясь сквозь зу-

бы, а после обернулась к окну. За ним стоял, сложив на груди руки, странный мужчина и наблюдал за мной. Не преследовал, как тогда, когда вытащил из-под колес тележки, не манил обратно. Просто наблюдал, а я попятилась. Кто-то снова толкнул в плечо, кто-то крикнул: «Осторожнее», и где-то совсем рядом проскрежетали колеса, а стекло на моих глазах внезапно потускнело, вся неотмытая грязь проступила, скрывая очертания фигуры и снова превращая мой дом в пустое, нежилое строение.

Глава 5

– Тревожная бригада, к ведомству которой относится твой дом, ничего не нашла. Они все обыскали. Никто даже не видел в том районе мужчину, подходящего под описание, – говорила подруга.

– Вашек видел.

– Он отказался обсуждать все вопросы, едва представилась. Как ты могла поцеловаться с маньяком у него на глазах?

– Прости?

– Что стоило подать Вашеку знак?

– Мы ведь не целовались! Он закрыл таким образом рот, а я впала в ступор буквально на мгновение, поскольку совершенно перестала понимать, где нахожусь. Там случилось столько невероятного, Мира! Какие претензии ко мне?

– Сама посуди: отпечатков нет, следов нет, тревожная кнопка не сработала, задвижка сперва открылась сама, потом ее заклинило. Мужчина, из-за которого случилось несчастное увольнение, считай, всю ночь с тобой мило беседовал...

– Он хотел моей крови!

– Не перебивай. Итак, он постоянно принимал тебя за некую Ану, а когда явился жених, почти тебя поцеловал. Ты не смогла позвать Вашека на помощь. Хотя заметить, у любого нормального человека в такие минуты срабатывают стан-

дартные психологические реакции вроде сопротивления.

– Я сопротивлялась, а в тот конкретный момент растерялась.

– Тебе мог понравиться маньяк? Ты называла его шикарным мужчиной, говоря о происшествии в салоне!

– Не сходи с ума!

– Как раз я здраво рассуждаю и пытаюсь объяснить все логически.

– Стихии! – провела рукой по лицу, призывая себя успокоиться. – Здесь мало логики. Его маневр оказался неожиданным, я на несколько мгновений перестала мыслить адекватно, а придя в себя, сбежала. Только Вашеك успел сделать выводы, словно проводить ночи с другим мужчиной, имея при этом жениха, совершенно в моем духе. И ведь я всегда его поддерживала!

– Отлично, временный ступор. Тогда почему ты говоришь о магии? Ведь в реальности подобного не существует!

– Говорю о ней, поскольку видела собственными глазами!

– Знаешь, все больше склоняюсь к версии охраны. Точнее, к двум: первая – тебе приснилось.

– Приснилось? Тогда объясни реакцию Вашека.

– Обижен из-за вашей ссоры и твоего демонстративного переезда, потому и не разговаривает.

– А совпадения? В моей жизни появляется некий странный мужчина, после чего я внезапно лишаюсь работы, лишаюсь жениха, теперь еще и домой не вернуться.

– Из-за работы он тебе и приснился. По второй версии, выдвинутой охраной, следует меньше пить. Тревожная система в доме работает отлично, а вот пустая бутылка из-под вина навела их на подозрения.

– Мы вместе отметили мой переезд. Ты же уехала в нормальном состоянии.

– Второй бутылки у тебя не было?

– Прекрасно! Знаешь, оба объяснения отличные. Главное, они не противоречат логике и реальности. Мужчина приснился, с работы уволили по понятной причине, Вашек обижен на отъезд, а в дом не вернуться, поскольку тревожная бригада признала его опасным для проживания и опечатала.

Я поднялась, опираясь ладонями на стол, и посмотрела на взбудораженную подругу.

– Но разве во сне или состоянии опьянения возможно фиксировать так много деталей? Реально запомнить все настолько отчетливо? Те же сны нелогичны и непоследовательны. А здесь я помню. Даже могу назвать одеколон Вашека, описать оттенки эмоций, вызвавших, как ты говоришь, неадекватную реакцию. Я до сих пор чувствую, как тот человек наклоняется совсем близко и касается лишь несколько секунд. И это не угроза, нет – на ходу придуманный маневр. Собственные ощущения? Страшно, но не противно. Есть желание оттолкнуть, остановить приближение и понимание, что самое время крикнуть Вашеку, когда вдруг обрушивается вся эта смесь эмоций и запахов. Свежего утра, ту-

мана...

– Какого тумана, Сэйна?

– Плотного, осязаемого, когда капельки воды оседают на лице. Такой туман пахнет проливным дождем.

– Поэзия совсем не в тему. И дождь – это вода, а она не пахнет. Если сны нелогичны, как ты говоришь, то все сходится. Ведь свет не зажигается, проводка повреждена, а на дверях ни следа взлома. И откуда в реальности взяться эмоциям и запахам, когда мужчина совершенно не знаком, с ним не связано никаких воспоминаний, а кругом старый пыльный дом?

– И на полу пустая бутылка из-под вина?

– Именно.

– Ну что же, тогда примем обе логичные версии как данность. Одна как раз подкрепляет другую.

– Твой сон – лишь защитная реакция организма.

Подруга увлекалась чтением книг по психологии, но в данный момент ее рассуждения мало того что не успокаивали и казались притянутыми за уши, так еще и раздражали. Я надеялась, она меня выслушает и не сведет все к защитным реакциям. Могла хотя бы рискнуть порассуждать на тему... несколько далекую от реальности.

– Сэй, присядь и поешь. Работа выпила из тебя все соки, раз ты научилась ходить сквозь стены. Не помешает немного набрать вес.

– Хорошая шутка.

Мира улыбнулась.

– Нужно решить, куда тебе лучше отправиться, и подумать над поисками новой работы. Не стоит обращать внимание на заверения Асем. Уверена, тебя с руками и ногами оторвут. А самой открыть дело в сложившихся условиях проблематично. Даже кредит под дом не возьмешь, пока он признан не пригодным для проживания. Ведь ему необходим ремонт, ты знаешь. И насчет Вашека... пока действительно лучше выждать.

– Определенно лучше.

– Кстати, когда с ним связалась, Вашек хоть и был однозначен в высказываниях и своем мнении о ваших отношениях, но успел обмолвиться о каком-то письме. Я поняла, что от твоих родных.

– Письмо? Может, он затем и приходил, ведь почта идет на его адрес.

– Сэй!

– Ах да. Это были сон и бутылка вина. Помню, помню.

– Ты ждала весточки от родных?

– Нет.

– Что-то из Мэнэр-холла.

Я помрачнела.

– Из главного дома? Значит, точно приглашение.

– Приглашение? – воспрянула духом Миранда.

– Да, старые традиции. Я уже получала подобное. Услышали о женихе, теперь требуют явиться, рассказать о нем по-

дробнее, а еще желательно лично представить. Но это сразу отпадает. Жениха уже нет.

– Подумаешь, поссорились! Поездку это не отменяет. По крайней мере вот тебе временное решение с жильем. Пока у них гостишь, сможешь разослать запросы по поводу работы.

– Да, – я задумалась, – как вариант.

По крайней мере уехать куда-то, чтобы привести мысли в порядок, мне точно не помешает. А еще будет возможность обговорить с дядей вопрос касательно займа.

Ох и не любила я бывать у родственников. Всегда старалась сбежать от них как можно быстрее. И дело не только в том, что сам Мэнэр-холл ужасно подавлял мрачностью внешних серых стен, затянутых темно-зеленым плющом, и симметричными садовыми дорожками, вдоль которых росли идеально ровные деревья, но в атмосфере чопорности и самолюбования. В нее гости погружались сразу, как только переступали порог. У других аристократов для картин предков отводились специальные галереи, а в нашей семье гордость зашкаливала настолько, что вы натыкались на эти холодные взгляды и высокомерные лица, едва за спиной захлопывалась входная дверь.

– Арианна Сэйна, урожденная Мэнэр! – проскрежетал на весь холл голос дворецкого, и раздался грохот палки о мраморный пол.

Я поморщилась от помпезности, ощутив себя едва ли не

на приеме. И уже привычно запрокинула голову, ожидая явления одной из тетушек, которая не заставила себя ждать и после третьего удара палки величественно выплыла на лестничную площадку второго этажа.

– Арианна, – степенно кивнула она, а седые волосы в идеально уложенной прическе даже не дрогнули.

– Тетушка Дарьетта, – я присела чисто механически, поскольку рефлекс срабатывал независимо от моего желания. Если тебя сызмальства муштруют и воспитывают, хорошие манеры проявляются на автомате, особенно в местах, подобных родовому гнезду. Даже поправлять ее не стала, будто предпочитаю называться вторым именем. Оно родственниками опускалось нарочно, как слишком незамысловатое и потому не подходящее девушке моего происхождения. А вот первое, доставшееся от прабабки, приличествовало помпезному дому и благородному обществу. К тому же второе дала мать перед собственным побегом не только из моей жизни, но и прочь от дорогих родственников. На ее месте я бы тоже сбежала. Хотя именно так я и поступила, едва достигнув совершеннолетия. Не помогли все силы родни, брошенные на то, чтобы посредством правильного воспитания изжить порочные задатки, доставшиеся по наследству.

– Твой жених задерживается?

Тетушка выразительно поглядела на дверь, потом на меня, внимательным взглядом ощупав фигуру.

Напрасно оглядываете, тетушка Дарьетта, главного греха,

в котором меня всегда подозревали, едва достигла зрелости, за мной не водилось. И замуж собралась вовсе не из-за беременности. К тому же подкидывать родне незаконнорожденное дитя, по примеру матушки, я никогда бы не стала. Слишком жаль невинного ребенка.

– Дела не позволили ему приехать, – ответила чинно.

Укоризненный взгляд в ответ, поджатые уголки губ и тихий обреченный вздох. Так и услышала в голове: «Ах, эта несносная девчонка».

– Что ж, будь любезна, проходи. Твои вещи отнесут в гостевую комнату.

И естественно, вопрос о том, надолго ли наведалась к любимой родне, не прозвучал, поскольку это невежливо. Однако я не сомневалась, что в собственных весьма благовоспитанных мыслях Дариетта пожелала мне не задерживаться.

Мне бы хотелось опустить ужин в кругу родни (да кто ж позволит!), с дядюшкой, принявшим почетный сан главы семейства, двумя овдовевшими тетушками и одной никогда не бывавшей замужем чьей-то двоюродной племянницей. Была еще парочка кузенов, проживавших с семьями в противоположных крыльях огромного дома. Насколько помню, они с детства друг друга не переваривали и всегда боролись за внимание дядюшки. Еще присутствовали некие дальние пожилые родственники, прописавшиеся в Мэнэр-холле ввиду преклонного возраста и отсутствия денежных средств. В об-

щем, как всегда, тьма народа и с половиной из них я едва ли встречалась раз или два за всю жизнь.

Ужин был скучен, беседы занудны, улыбки пресны. После трапезы дядюшка величественно кивнул мне, повелев следовать за ним в кабинет. С удовольствием бы притворилась, будто не заметила кивка, но один из кузенов уже подлетел и отодвинул мне стул, чтоб его! Одарила родственника «благодарным» взглядом и отправилась на допрос.

Начал дядя прямо в лоб. Он всегда выгодно отличался от прочей родни своей прямолинейностью. То есть с ходу безо всяких экивоков спросил про жениха, про его семью, происхождение, состояние, образование, работу. Кажется, мы даже почившего кота бабушки Вашека умудрились обсудить. А уже после допроса на рабочем столе внезапно возникла книжка в обложке из красной кожи.

– Это, – сказал глава семейства, – реликвия нашего рода, которая дается для прочтения каждой незамужней девушке в преддверии свадьбы.

– Брачные советы? – я взяла книжку в руки.

– Именно, – подтвердил дядя. – Написанные твоей тезкой и прабабушкой, очень благородной и уважаемой дамой.

Правильно, что еще могло храниться в семье и быть обязательным к ознакомлению перед свадьбой?

Думала, дядя сам не удержится от всяких напутствий, но он махнул рукой, посчитав свой долг выполненным, и великодушно отпустил меня из кабинета. А вот в гостевую спаль-

ню я пробиралась окольными путями и по черной лестнице, поскольку точно знала, любая из многочисленных тетюшек не проявит столько душевного благородства. Чтобы им да избежать нудных нотаций?

Книжку, если честно, читать не собиралась. Что там могло найтись нового? Потому сразу прошла в ванную, где вволю понежилась в горячей воде, ну а после запрыгнула под одеяло, собираясь поразмышлять на тему дальнейших действий, когда внимание привлек глухой стук. Совсем позабыла, что бросила семейную реликвию на кровать, и теперь она улете-ла на пол, стоило отдернуть одеяло. Вставать было лень. Я перегнулась через край, чтобы дотянуться до раскрывшейся на начальной странице книжки и переложить на тумбочку. Если поутру одна из горничных зайдет разбудить на завтрак и увидит на полу столь щедро поднесенную семейную драгоценность, дядя узнает о вопиющем пренебрежении. Тогда нудных нотаций точно не избежать. Положу, сделаю вид, что прочла, а завтра отдам.

Я дотянулась до красного корешка и подтащила книжицу поближе, чтобы удобнее перехватить, когда глаза выхватили первую строчку, написанную от руки.

«Незамужним девицам для просвещения и обретения понимания, как вести себя с будущим мужем...» Я фыркнула и подняла этот раритет, продолжая механически дочитывать строчку, когда внезапно вздрогнула. Буквы поплыли перед глазами, смазались и сложились в слова приветствия:

«Здравствуй, моя наследница».

И вновь упустила книжку, которая упала теперь на постель. Резко сдвинулась к изголовью кровати, смотря на красную обложку, точно на ядовитую змею. Попытка совладать с внезапно пробудившимся страхом не увенчалась успехом. Ведь после чаепития с Мирандой практически убедила себя в нереальности привидевшихся ночных событий. Они совершенно не были похожи на правду. А теперь что, снова?

Я колебалась. Сидела, не умея принять решение. Руки подрагивали. Но наконец овладела собой в достаточной мере, чтобы взяться за корешок и подтащить книжку ближе. Чуть склонившись над ней, решила прочесть вторую строчку. «Польза сих советов несомненна...» И снова буквы поплыли перед глазами и сложились в иные слова:

«Мое имя Арианна Мэнэр, для друзей и близких просто Ари, он же звал меня Ана».

Четыре стихии! Закрыла ладонью глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Спокойно, спокойно. Если это помешательство, то хотя бы разобраться в его сути мне не помешает. Иначе точно с ума сойду, размышляя, отчего сны так реальны, а выверты больного воображения логично связаны со снами. И поскольку книжка не кусалась, не прирастала к рукам, не проявляла в целом агрессии, даже крови не требовала, а просто меняла слова, то можно было почитать. Я снова склонилась над страницами.

«Эти записи сделаны мной для предупреждения и помо-

щи. Ты, в чьих жилах проснулась проклятая кровь, должна иметь представление о событиях, произошедших задолго до твоего рождения. Я замаскировала книгу для тех, кому не досталось и капли магии. В завещании требовала, чтобы дневник уподобился древней реликвии и передавался по наследству всем девушкам нашей семьи, надеясь, что однажды истинный смысл, сокрытый в нем, дойдет до той, кому пригодится».

Отлично. Я оторвалась от чтения, чтобы перевести дух. Значит, мне единственной открылись настоящие записи этой Аны. Вот уж не знаю, радоваться ли. Интуиция подсказывала, что не стоит.

Снова приблизив к глазам книжку, продолжила чтение.

«Любой дневник принято начинать рассказом о собственном детстве, девичестве или на худой конец рассказами о волнениях и страхе, связанными с замужеством. А я желаю начать с иного, со встречи, разделившей мою жизнь на две половины, ту, что и не стоило проживать, поскольку теперь все прежние года кажутся нелепыми и пустыми, и ту, когда встретила Его. Да, дорогая родственница, вероятно, я заслужу твое порицание этим пояснением, но хочу быть откровенной до конца: меня к тому времени благополучно отдали замуж еще весьма юной. Муж был гораздо старше и родовит, а также обеспечен. И здесь удивляться нечему, для любой семьи девочка – это капитал, которым стоит выгодно распорядиться. Но я не желаю говорить о супруге, не желаю гово-

ритель ни о ком другом, кроме самого удивительного мужчины моей жизни. Не думаю, что ты способна понять эмоции, которые мне довелось испытать, а потому, кроме чар маскировки, я вдохнула в этот дневник эхо собственных чувств. Пускай только отголосок, но ты сумеешь ощутить и, возможно, не будешь судить столь строго. Отсюда и начнем, милая родственница. Закрой глаза, а ладонь оставь поверх страницы, и ты станешь мной».

Сама бы не рискнула последовать этому совету, но едва дочитала до точки, как из груди вышибло дух, я зажмурилась совершенно непроизвольно, а рука и так сжимала книжку. Даже не успела толком понять, что произошло, когда полумрак спальни взорвался яркими красками солнечного дня, а кругом возникли декорации, более подходящие некоему дворцу, чем Мэнэр-холлу. Зажужжали девичьи голоса, запели птицы, бабочки порхали среди красочных цветов, а дорожка в центре зелени красивого дворцового сада внезапно делала изгиб.

Я уже собралась идти дальше, когда девушки, окружавшие меня, замешкались, затем подались прочь с дорожки, утягивая следом и приседая в поклоне, чтобы пропустить небольшую процессию. Это явно были вельможи, а некоторые лица мужчин оказались даже знакомы, кроме одного, в самом центре группы. Ни шок, ни удивление, ни восторг, запечатавший безмолвием мои губы, не в состоянии отразить полнейшего смятения чувств, охвативших все существо. Ве-

роятно, мне довелось узреть божество, спустившееся в озаренный солнцем сад.

Он был прекрасен. Словно высшее создание, не признающее суеты этого мира. Ни малодушные страсти, ни мелкие человеческие чаяния, ничто не смогло бы нарушить спокойную безмятежность чистого неземного взгляда самых удивительных из виденных мною глаз, словно чистейшая морская вода тропических источников.

Я замерла, застыли и подруги, а процессия миновала, и мужчина не взглянул на меня, но я его узнала. Та другая я, что читала дневник юной супруги некоего родовитого человека, та другая, что помнила себя среди чужих воспоминаний и видела прежде это лицо. Знала, как выглядит изможденное тело под широким пальто. Угадывала в необычных прозрачных глазах холод спрятанной в глубине опасности, когда он почти равнодушно спрашивал мое имя. Сейчас эти глаза безмятежно смотрели вдаль поверх всех голов, которые казались намного ниже. Все кругом ощущались едва ли не карликами, окружившими высокую стройную фигуру, не из-за их реального роста, но благодаря совершенно особой ауре, окружавшей «божество».

– Кто это? – принялась тормошить одну из подруг.

– Доверенное лицо владыки, светлейший кардинал Эйден.

Подруга даже не уточнила, о ком я спрашивала. Вероятно, с полуслова поняла, чей облик мог привлечь внимание среди остальных мужчин.

– Светлейший?

– И верховный магистр.

– Это все регалии?

– Малая часть.

– Он очень влиятелен, – зашептала вторая из приятельниц. – Говорят, доверие владыки к нему безгранично.

Ох! Я с огромным трудом вынырнула из омута чужих воспоминаний, словно вытягивала себя из трясины. Болезненное состояние: в горле пересохло, голова кружилась, в груди колело. Знакомые ощущения, такие похожие на уже испытанные, но только не несколько веков назад, а совсем недавно, буквально вчера.

Упала на подушку, а книгу бросила на тумбочку. Я больше не хотела к ней прикасаться. Казалось, пробуду в чужом мире еще немного и в этом просто перестану существовать. Дышалось до сих пор с трудом и сердце колотилось. «Ана», – прозвучало в голове. Так ясно, так отчетливо, что в испуге принялась озиаться, почти ожидая увидеть в комнате Его.

Эйден, вот как его зовут. Эйден.

В спальне было пусто. Окна закрыты. Ни сквозняка, ни шепота ветра не доносилось снаружи.

Нервы совсем сдали. Мне просто необходимо было поспать.

Я обняла подушку, крепче зажмурилась и поймала себя на том, что мысленно повторяю мужское имя, странным

образом находя утешение в его звучании. Оборвала себя и попыталась отогнать прочь все мысли.

Ночь вступила в свои права. Темная, холодная, густая. Глаза были закрыты, но сон не шел. Слезы собирались под веками, скатывались по ресницам, стекали к уголкам губ, оставляя на них привкус соли. И мокрых щек касались чьи-то ладони, почти бережно, но затем лишь, чтобы спуститься ниже и сжаться на шее. Так тесно, что воздуха стало не хватать. Чуть больше усилий, и тонкая шея сломается без труда. Предателей не прощают. И он вернулся, как обещал.

Из-за слез все размывается, когда открываю глаза. Мне бы оттолкнуть чужие ладони, но зачем-то тянусь не к ним, а протягиваю руки вперед, силясь обнять. Темнота не столь непроглядна. В тусклом свете, идущем от окна, тускнеют тени, и облик человека передо мной вместо того, чтобы обрести четкость, размывается, теряет очертания. Его не удастся коснуться. Я слышу тихий вздох, и действительность пропадает, а неяркий отблеск рассвета вдруг заставляет зажмуриться.

– Доброе утро! – в тишину ворвался шорох раздвигаемых штор. – Вас просили явиться на завтрак.

Горничная, чье имя никак не вспоминалось в ранний час, толкнула створки окна, впуская в комнату порыв свежего ветра и утренние трели птиц. Женщина быстро присела, являя на своем лице нечто мало напоминающее почтение, и

удалилась восвояси, прошелестев накрахмаленными юбками форменного платья.

Стихии! В этом доме время совершенно не двигалось вперед. Как бы и меня не заставили нацепить нечто длиной до лодыжек. Я потеряла ладонями лицо и, щурясь, взглянула в окно. Последнее, чего желала в столь ранний час – это идти на семейный завтрак. Неужели всерьез решила, будто могу здесь надолго задержаться?

Спать очень хотелось, и я снова уткнулась в подушку, но почти тотчас отстранилась. Наволочка оказалась мокрой. Для верности потрогала ее, после чего встала и в растерянности замерла у кровати. Шея побаливала, голова тоже. Направилась к комоду в углу комнаты, наклонилась к зеркалу и тут же отпрянула: на шее виднелись чуть заметные синяки, глаза были красные и под ними залегли круги.

Вот от этого точно стало не по себе. Мне, конечно, доводилось слышать о чудесах самовнушения, когда люди настолько верили воображению, что на теле у них возникали следы, но я прежде никогда не страдала подобными расстройствами. Всегда была здравомыслящей. А еще мне не чудилась магия на каждом шагу.

Я обернулась к кровати, где на светлом одеяле ярко выделялась красная книжица. Что произойдет, если возьмусь почитать снова? Все повторится, как вчера?

Нерешительно приблизилась, постояла какое-то время над дневником далекой родственницы, но храбрости так и

не набралась. Отвернулась и тут же нашла взглядом заботливо развешенный поверх ширмы наряд. Темно-синее платье с рукавами три четверти и подолом до икр. Очаровательно. Вероятно, горничная оставила по приказу тетюшек, чтобы я не вздумала шокировать благовоспитанных родственников оголенными коленями или еще хуже – декольте – с утра пораньше.

Ладно. Вдохнула поглубже и медленно выдохнула. От меня не убудет.

Натянув платье и застегнув ряд мелких пуговиц спереди, затянула потуже пояс, а после снова вернулась к кровати. Может, не стоит продолжать чтение? Отдать книжку дядюшке?

Понимаю, что смалодушничала, когда аккуратно ухватилась за корешок и сунула дневник в карман. Успокоила себя тем, что, если решусь отдать, сделаю это после завтрака, а если нет, верну в комнату. После сакраментального решения направилась в столовую.

Глава 6

Хоть по времени я и не опоздала на завтрак, но семейство уже восседало за столом в полном составе. Дядя во главе, тетуски по старшинству по правую руку, сыновья с семействами по левую, а мне предлагалось сесть ближе к двери с краю. Возражений и в помине не было. Чем дальше от главных коршунов, тем лучше. Аппетит целее будет.

Дядюшка расстелил на коленях салфетку, подав тем самым знак к началу трапезы, и слуги принялись разносить фарфоровые блюда. Хотя к чему такой пафос ради яиц с ветчиной? Понять мог только исконный житель Мэнэр-холла.

Собственное кушанье я придвинула ближе, не особо задумываясь и тем более не обсуждая вслух степень прожарки ветчины, преимущества яиц пашот перед обычной глазуньей и подобную чепуху. Мысли были заняты более важными вопросами: стоит ли задерживаться в родовом гнезде, как поступить с дневником, откуда начать поиски работы и не решиться ли попросить взаймы у дядюшки, чтобы хватило на открытие дела. А может, лучше взять заем в банке, а дядюшку убедить выступить поручителем? Что ему покажется предпочтительней? Вероятно, просто отправить меня во свояси, ведь я как бы замуж собралась, а после замужества женщине семейства Мэнэр не полагалось работать.

Я поднесла к губам стакан молока, продолжая размыш-

лять над вопросами, которых в моей жизни оказалось неожиданно много, как вдруг звон вилок стих. На столовую опустилась просто нереальная тишина, а члены семейства застыли в разных позах. Еще понять ничего не успела, как посреди комнаты, упав на длинный стол прямо перед одной из тетушек, возник молодой человек. Свечение вокруг него и колебания воздуха, как над костром, разделили картину реального и сюрреалистичного на четкие очертания обыденных предметов и расплывчатые мазки абстрактных и невозможных.

Мой ступор был подобен тому, которым попрекала Мира. Я застыла с поднесенным ко рту стаканом, подобно остальным родственникам, хотя и не ощущала ничего, сковавшего движения.

Молодой человек выпрямился, но тут же оказался прижат к столу другим персонажем, выпрыгнувшим из ниоткуда. Разглядеть его лицо было труднее из-за полумаски. Одежда сразу напомнила камуфляж наших представителей тревожной системы, в частности тех, с которыми недавно пришлось иметь дело. Послышалась сдавленная ругань, затем сверху выпал еще один, но этот профессионально сгруппировался и отпрыгнул прям на тетушку, сбив ту вместе со стулом. Бедная старушка так и осталась сидеть в прежней позе, только лежа на спине, а третий посетитель выругался: «Понабирали школоту! Только не вздумай сразу схлопнуть проход!» – и принялся осматриваться, пока второй слезал

со стола, а молодой человек остался лежать, удерживая руки растопыренными. Сияние над ним постепенно затихало, и марево в воздухе сужалось. Кстати, вернуть тетушку в первоначальное положение третий и не подумал. Он хищно оглядел столовую, и тут наши глаза встретились.

Я хоть и остолбенела от неожиданности, но по инерции продолжала наблюдать за незваными гостями, когда третий поймал мой взгляд и прищурился: «Ну здравствуй, нарушительница. Именем владыки ты арестована!»

Времени терять он не стал и сразу бросился ко мне. Я даже стул отодвинуть бы не успела, не говоря о побеге, только по инерции отшатнулась от протянутых ладоней, когда из почти переставшего сиять перехода выпрыгнул еще один человек. Он мягко приземлился на стол, а ход событий неожиданно переломился в совершенно иную сторону. По логике происходящего, на месте жертвы была я, но вдруг оказались незваные гости. Подобно моим родственникам, они замерли по мановению руки, а я пораженно выдохнула: «Эйден!»

Сложно не узнать человека из твоих кошмаров, чье имя прочно отпечаталось на подкорке сознания вместе с синяками на шее. Однако его скорость впечатляла едва ли не сильнее, чем пугала. Он оказался быстрее прочих пришельцев, и это при том, что я только сейчас заметила, как в паре сантиметров от запястья маячит раскрытый светящийся браслет, наподобие наручников. Их едва не застегнули на моих руках, зато теперь отпала необходимость корить себя за медленную

реакцию и прочий ступор.

– Вспомнила? – быстрый вопрос, вкупе со стремительным рывком, в результате которого я слетела со стула, счастливо разминувшись со «статуей» человека, и толчок к двери.

– Прочитала...

Еще не успела договорить, а уже очутилась по ту сторону в коридоре. Эйден указал на пространство перед нами: «На открытие портала десять секунд».

– В смысле?

– Девять, восемь...

– Подожди! Как открыть?

Вместо ответа мужчина толкнул к стене, в его ладони блеснул знакомый складной нож – мой! – а острое прижалось к моему же горлу. И снова знакомое ощущение паники, тошноты, головокружения и падения. Нож воткнулся в доски в нескольких сантиметрах от лица, но Эйден мигом выдернул его. Мы вдвоем оказались в кухне моего дома. Не старого, запыленного и грязного, а радующего чистотой, белизной, сверкающими боками медных кастрюль и ошарашенными лицами повара с помощниками. Они в ужасе уставились на выпрямившегося с ножом мужчину. Я, признаться, боялась его не меньше, но даже меня поразило, как сильно побледнели все очевидцы нашего перемещения. Их лица по цвету сравнились с высокими белоснежными колпаками.

По-прежнему с трудом реагируя на скорую смену декораций, в глубине души успела усомниться в реальности проис-

ходящего. Признаться, проще было поверить в ментальные проблемы, чем осознать все это. Вероятно, только правильное лечение могло помочь в сложившейся ситуации.

Мне даже сопротивляться расхотелось, и потому безропотно позволила мужчине вновь схватить себя за руку и потянуть между столами к противоположной от выхода стене. Бесстрастно игнорируя, как отшатываются при нашем приближении люди, а кто-то едва не сел на зажженный очаг, быстро переставляла ноги. Только пронзительный вопль смог разбить ощущения апатии и неприятия происходящего. Он разрушил тишину, послужив сигналом для остальных.

Мы выскочили на улицу через прежде не замеченную черную дверь под оглушающий вой, ор и крики всех оставленных позади людей. На словах: «Темный кардинал вернулся!» – Эйден с чувством захлопнул дверь и отрывисто приказал: «А теперь бежим еще быстрее!» – и устремился в сторону тупика в конце узкой подворотни.

– Там нет прохода! – пускай я не понимала в деталях, беспрекословно подчиняясь приказам и следуя за мужчиной к тупику, ситуацию в целом видела. Он же, добежав до деревянной стены, преклонил колено и поставил сцепленные ладони: «Запрыгивай, я подкину».

Мысленно ужаснувшись, как плохо всегда карабкалась на любые ограждения, на чистом адреналине запрыгнула на его руки, оперлась ладонями о плечи и взлетела вверх, оседлав

забор. Благо его верх был закрыт деревянной планкой, а не утыкан острыми колышками. Надеюсь, на иной он бы меня не закинул? Хотя...

– Перепрыгивай! – прозвучал приказ, и я тотчас полетела вниз. Эйден перемахнул следом и приземлился рядом со мной. Только он спружинил на ноги мягко, точно кошка, а мне довелось впечататься всем телом в груды коробок. По счастью, бумажных и наполненных, судя по запаху и чавканью, овощами. Почти тотчас же пришлось отвлечься от ароматов и темнеющих на платье разводов, когда из отдаления по ту сторону забора донеслись голоса:

– Куда они побежали?

– Там тупик, значит по улице.

– Вам не пригрезилось, дурни?

– Прямо одно лицо, господин?

– Один в один, что на портрете, коим хозяин поварят пугает.

– Больно на выдумку похоже, но проверить не мешает. Тащите собак, пока не ушли далеко.

Я пришла в ужас, обшаривая глазами пространство впереди. Вот сейчас почуют. А здесь та же подворотня. Особо не спрячешься. Две стены дома и дверь либо кухни, либо кафе, если исходить из количества овощей. Может, вновь использовать прием неожиданности и вломиться внутрь? А вдруг заперто?

Эйден схватил за руку. Я приготовилась бежать следом,

а потому ахнула от неожиданности, ощутив болезненный, но быстрый укол. В шоке повернулась к нему в момент, когда мужчина убирал нож. На кончике пальца тут же набухли алые капли, но ни возмутиться, ни выдернуть руку опять-таки не успела. Эйден быстро поднес ее ко рту и обхватил палец губами, закрыв глаза.

Ток крови опалил грудь, в ушах забило набатом, губам и щекам стало очень жарко. Руки и ноги сделались ватными, и я осела обратно на хлюпнувшие коробки, перестав различать шум по ту сторону забора.

Однако на путаницу чувств и полнейший сумбур в сознании не было отведено и лишней минуты. Ресницы мужчины дрогнули, глаза полыхнули синевой, перекрывшей природный прозрачно-голубой оттенок, четко очертилась серебристой каймой радужка. Эйден резко нарисовал в воздухе некий символ, который тут же ярко загорелся. Теперь лицо грел самый настоящий огонь, растекаясь теплом по коже. Откуда-то издали донесся лай собак. Сперва было слышно, как он приблизился, а потом стал удаляться вместе с голосами людей.

Мужчина из кошмаров выпустил мою руку, облокотился о забор и запрокинул голову на доски, снова зажмурившись. А я пораженно глядела на него и никак не могла отвести глаз.

– Спрашивай, – проговорил негромко.

Спрашивать? Да у меня совсем не получалось собраться с мыслями.

Вдохнула несколько раз глубоко, села ближе к забору, скопировала позу Эйдена и потерла пальцами виски.

– Нам не нужно идти?

– Отдохнем, время есть.

Показалось или оценил спокойный тон вопроса вместо вероятной истерики? Хотя какая разница, насколько он одобрял те или иные действия и реакции? Подобное не должно было заботить совершенно. Мужчина рядом – маньяк. Ведь кто еще станет угрожать хрупкой девушке ножом и преследовать ее? Следует просто добавить больше уверенности в голос и выяснить все в деталях.

– Значит, тогда, в первый раз, эм, ты. – О, Сэйна, перестань мямлить! Больше уверенности! – Когда упомянул про кровь, это имел в виду?

Пожал плечами:

– В тот раз? Как знать?

– Не всю же хотел выкачать? Это невозможно!

– Нет? – он приоткрыл глаза, которые постепенно возвращали прежний оттенок, только радужка еще светила.

– Фактически возможность есть при наличии соответствующей аппаратуры, но ведь кровь сворачивается. Старая портится, новая не образуется. Каков тогда эффект? А если брать по частям, то можно долго, кх, кх... – Стихии! Что я несу?

Прокашлялась и прижала ко лбу ладонь. Возможно ли лечение на этой стадии? Если окончательно воспринимаешь

действительность с точки зрения наличия магии, то, вероятно, никакие препараты больше не помогут? А если я гипотетически все же очутилась в ином измерении, где мой дом выглядит просто отлично, то определенно уела этого маньячного мага собственной логикой. Наверняка убедила оставить свои преследования, рассуждая о свертываемости крови.

По губам мужчины скользнула усмешка, как прозрачный намек, что с вопросом, несомненно, промахнулась. По сути, даже формулировка была абсолютно бессмысленной. Если самой ясно, как выгоднее брать кровь, то о чем спрашивала? И зачем ему объяснять очевидное? Однако он все же нарочно ответил так, чтобы мурашки побежали по коже.

– Кто те мужчины в Мэнэр-холле? Зачем и как меня нашли? Как ты нашел? Почему мы побежали? Отчего снова оказались в моем доме или он не мой? Тебя испугались люди на кухне! Зачем ищут с собаками? Что это за мир или измерение? Кто такие порталышки...

– Достаточно, – он поднял руку. – Смотри ответ.

– Смотреть?

Он подал ладонь, я положила на нее свою и тут же зажмурилась, ожидая видений или удара магией, который сразу вложит в голову нужные знания. Однако прошло две секунды тишины, и, открыв глаза, поняла, что Эйден молча ждет более адекватных действий. Похоже, слова: «Смотри ответ», – по логике, никак не сочетались с зажиманием. Я стушевалась, он без лишних фраз притянул ближе, взял в

ладони мое лицо, поймал взгляд — едва вновь не истолковала его действия превратно — и посмотрел пристально.

А потом все поплыло.

Как в случае с дневником, я вдруг окунулась в иную реальность, увидела сверху зеленые холмы, синие горы, реки, озера, леса, города с красными крышами, белоснежные особняки, стоящие чуть обособленно, крепости среди скал, башни на краю утесов, море, бьющее волны о крутой берег, и магию! Силу, наполняющую воздух сиянием и свечением.

Она вдыхалась легко, расцвечивала мир невидимым многообразием красок. И я летела среди этой красоты, как вдруг небеса потемнели, воздух пошел рябью, меня протащило сквозь переход, и окружающее потускнело.

Здесь оказалось так пусто! Кругом похожий мир, но черно-белый. Пускай я различала зелень лесов и синеву рек, однако магии не было. Совершенно. Ни единого глоточка. А без нее оказалось тяжело, словно мучила жажда, а напиться невозможно.

Я судорожно вдохнула и вырвалась из омута наружу. Едва мне стало плохо, с силой поборола чужие чары и выплыла на поверхность. Реальность вернула в сырость подворотни, подарив ощущение от тепла мужских ладоней на щеках. Сердце билось учащенно, дыхание выходило из груди прерывистыми выдохами. И на краткий миг удалось поймать странный взгляд, с которым Эйден изучал меня, пока позволял узнать об их мире.

Он опустил руки, и стало пусто. Еще хуже, чем в мире без магии. Я сделала попытку вопросами заглушить в себе эти чувства. Мне не нравились эмоции, вошедшие в привычную, родную повседневность с этим странным мужчиной. Мне не хотелось их впускать в свою душу. Никогда за всю жизнь не доводилось испытывать столь неестественные для меня уязвимость и беспомощность. Я боялась зависимости, которая грозила утянуть в себя, подобно чарам, погружавшим в чужие воспоминания. Боялась человека, который вдруг пришел за мной из ниоткуда и изменил весь привычный порядок вещей. Изменил специально – я все больше и больше в этом убеждалась.

Он убрал ладони, я отодвинулась подальше.

– Эти два мира связаны? Они похожи, да? Поэтому можно строить переходы?

Эйден кивнул.

– Почему порталыщиков мало? У вас дар не передается по наследству?

– Люди забыли, что магию, как и любое умение, нужно развивать. Точно так же тренируешь тело. Всесторонне. Усилив ненадолго, эффект не закрепишь, а последующие поколения начнут терять силу.

– Как ты меня нашел?

– Я ждал в доме тех, кто придет по следу. Когда открылся портал, и ты ушла в иную реальность, а после вернулась, стало ясно – они явятся следом. На тебя заявили за незаконное

вторжение, а любой, кто способен шагать через пространство, представляет большую ценность. Каждый, в ком проявился дар, обязан доложить о нем менторам, а затем явиться на распределение.

– В обязательном порядке? Портальщиков в вашем мире угнетают? Это какой-то дискриминированный тип населения?

– Вы ценны, а потому охраняетесь законом. Это цитата из государственного положения о магах.

– Словно ценную зверушку описал! Только я не из вашего мира!

– У людей по ту сторону нет магии. По мнению ищейек, ты нарушила закон. Портальщики опасны, они способны стереть пространство практически в любое место. Любой незарегистрированный создатель переходов приравнивается к преступнику. Ищейки взяли след в этом доме здесь и проследили за тобой до самого поместья.

– Ты знал, что так будет?

– Предполагал. Энергетический след сохраняется от часа до нескольких дней в зависимости от силы магического выброса.

– Откуда ты знаешь, что у меня он был силен?

– Первый переход через пространство, максимально – второй всегда самая большая концентрация силы, как и в случае проявления любого дара.

– И что при этой большой концентрации?

– Портальщик способен пройти между двумя мирами дважды. Перемещение внутри одного мира не требует столько затрат энергии.

– То есть ищейки до сих пор в Мэнэр-холле?

– Их могли забрать новым порталом, сотворенным с той стороны.

– Они снова меня ищут!

Я попыталась вскочить, но Эйден перехватил.

– И вернутся в дом, как только смогут, но собаки ушли по ложному следу, значит, ищеек тоже собьем.

– А что нужно для создания переходов между мирами?

– Запас силы, как у верховного магистра.

– А кто такой магистр?

– Один из сильнейших в магическом мире.

Я вспомнила, о чем кричали люди на кухне. Повернувшись, пристально вглядываясь в лицо Эйдена, спросила:

– Что означает «Темный кардинал»?

Ответил спокойно, даже не изменившись в лице.

– Плохого персонажа из сказки. Истинное зло, которым пугают детей. Имя стало нарицательным.

– Наричательным благодаря кому?

– Догадайся.

И так невозмутимо мне сообщили, что рядом находился очень плохой персонаж. Зло, которым пугали детей. Постойте!

Умей мысли звучать подобно словам, сейчас они стали бы

едва слышнее шепота. Совсем тихо в голове прошелестело:
«Зло из чащи!»

Я его оживила? Я?

Дыхание перехватило, руки затряслись. Оставалось лишь притвориться душой, потому что ответить прямо духа не хватило.

– Не знаю, – голос звучал хрипло и подрагивал, обличая меня во вранье. – А что в той сказке? Зло победили?

Он кивнул.

– Умертвили. Разделили душу и тело, чтобы гибель ужасного создания была еще мучительней. Душу оставили в одном мире, тело – в другом.

– А почему? Он что-то совсем плохое сотворил? – в горле першило, и очень хотелось пить.

– По легенде, его существование угрожало всей империи. Потому зло сперва предали, а затем умертвили. Только оно обещало воскреснуть.

– А тогда что? Конец миру?

Он подтвердил совершенно спокойно:

– Конец.

– Всему? – прошептала я.

– Этому уж точно, – глаза смотрели знакомо равнодушно, а я сглотнула. Дальнейший вопрос был просто попыткой выдумать для собственного спокойствия некую небылицу, ведь собственными глазами видела ужас на лицах людей:

– Может, неправда? В легендах любят присочинить.

– Может, и неправда.

И улыбнулся. Знакомо. Как при первой встрече. Холодно, красиво. Я вздрогнула всем телом и, перебирая ладонями по шершавым доскам, с трудом поднялась на ноги, зачем-то проговорив: «Аны больше нет. Точно знаю. Она жила в том мире и приходилась мне родственницей».

Он тоже поднялся, посмотрел сверху вниз, не подходя ближе, но закрывая собой проход к улице. Я ощущала его напряжение, видела, что при внешнем спокойствии пальцы его неестественно выпрямлены, словно сведены судорогой.

– Наше родство не превращает меня в нее! Что я тебе сделала? – ладони метнулись к горлу, накрыв его дрожащими пальцами.

– Ты знаешь, что сделала она?

– Я чувствую, ты ее ненавидишь. Или, может, меня. Я не всегда понимаю. Но, пожалуйста, отпусти.

– Ты мне нужна.

– Надолго? Оставь меня в покое, оставь одну!

– Сколько времени надеешься пробыть одна, если оставлю в покое?

– Я...

Закусила губу, ужаснувшись ситуации, в которой очутилась.

– Подумай, – он сделал плавный шаг, подступив ближе. – Ищейки явились за тобой, и только благодаря тому, что обратил против них их же изобретение, нам удалось уйти. Но

не стану преследовать я, продолжат они. Если решишь помочь, обещаю в ответ забрать то, что нарушило ход привычной жизни.

Мне мигом вспомнились слова приветствия для неведомой наследницы проклятой крови. Главное слово «проклятой». Вот только в чем заключалась суть? В том, что дарила ему некие способности, но на короткое время? Как он сказал: «Усилив ненадолго, эффект не закрепишь». Только в чем смысл, если сам должен быть достаточно силен, судя по всем перечисленным Ане регалиям? Ох, зря не набралась духу дочитать дневник до конца.

– Не стоит бояться, – он почти утешал, ласково коснувшись щеки рукой. И если бы хоть мысль возникла отстраниться. Вот это особенно ужасало и выбивало из колеи. При всей опасности, которую понимала, я не чувствовала ее рядом с ним. Точнее, и ощущала, и нет. – В твоих силах помочь и освободиться от того, что пугает.

– Откуда тебе знать о моих страхах? Может, это нож, которым размахиваешь направо и налево? Или умение вторгаться в чужую жизнь и рушить в ней все? Загонять в ловушку незаметно для жертвы? А вероятно, даже угроза уничтожить мир?

– Тебе виднее.

Он опустил ладонь, слегка коснувшись шеи, а кончиками пальцев мимоходом провел до самого запястья, позволив за эти мгновения едва ли не по полочкам разложить не только

необъяснимые порывы души, но и нелогичные реакции тела. Ана описала их в дневнике, назвав лишь отголоском истинных эмоций, а на деле, как она и упоминала, все ощущалось гораздо острее.

«Проклятие – это путаница в мыслях и неразбериха в душе? Или полный ступор, как следствие некой зависимости?» – вспышкой пронеслось в мозгу. Я не понимала себя. Точно в тумане! А туман – это жуткая притягательность, вынуждающая подчиняться чужой воле. Не хочу!

Я не верила в любовь с первого взгляда, а значит, всему должно быть объяснение. Еще можно истолковать влечение к красавцу-богачу, но странное притяжение к изможденному оборванцу, ненормальному маньяку и преступнику, который был мертв последние двести лет, иначе как магией объяснить невозможно. Одурманивание голосом, сумасшествие от мимолетного прикосновения – все это легко истолковать. Проклятие в крови Аны, вот что оно такое.

Я задела одну из коробок, пытаюсь вынудить себя отступить. Лежавшая на ней сверху рухнула прямо на ногу, заставив громко охнуть. Эйден перевел взгляд на эту беспорядочную грудку, затем на забор. Разглядывал старые доски с тем же загадочным выражением, что уже замечала на его лице. Задумчивость? Решимость? Обреченность? Сожаление? Да зачем мне разбираться в его чувствах, если он еще способен на них! Ах, как бы я желала уйти!

Мужчина оглянулся на выход из подворотни, отвлекаясь

на что-то, а я прислонилась к забору. Снова головокружение. Неприятное, усиливающееся. И тошнота. Глотнула больше воздуха, зажмурилась и вдруг провалилась спиной назад, рухнув в круговорот перехода.

Глава 7

Он почувствовал колебания магии и резко обернулся, но опоздал. Девушка растаяла в захлопнувшемся прямо перед носом портале. Ушла так легко, будто не открывала только что проход между мирами. Сбежала как раз в момент, когда он создал обманку, отправив всех по ложному следу. И сила заряда оказалась на порядок меньше. Может развеяться к приходу ищеек, если те кинутся сперва за остальными.

Ладонь коснулась забора, ощутила отголоски тепла. Глаза различали затихающие всполохи. В воздухе еще колыхался легкий флер духов, напоминавших по запаху о лесной ягоде. Отличный момент, чтобы уйти. Умный ход и наиболее паршивый вариант для него.

Эйден огляделся, изучил гору коробок и мусор возле противоположной стены, но на глаза не попало ничего, что годилось в качестве оружия. Нож, взятый на старой обшарпанной кухне, мог разве что напугать да палец уколоть. Однако за глупость приходилось платить. Во-первых, собственной слабостью, во-вторых, малой вероятностью благополучного исхода. Теперь следовало постараться, чтобы вообще выбраться отсюда, а уж живым достичь определенного места представлялось почти нереальной задачей.

Он оглядел забор и приметил длинную жердь, что держалась слабее остальных. Ухватился за нее, рванул со всей си-

лы, и палка, хрустнув, отломилась, не оставив сквозной дыры. С той стороны крепились такие же, а создавать условия, чтобы его заметили, маг не собирался. Собаки все равно вернутся домой.

Жердь привычно легла в ладонь, словно на днях он тренировался на ровной каменной площадке при храме. Эйден крутанулся на месте, примериваясь, делая замах. За неимением лучшего сгодится.

Чуткий слух распознал новый шорох, заставив притаиться. Мужчина приник к стене и замер, вглядываясь в белеющий квадрат выхода. По эту сторону светлело позже, и двое в невзрачной одежде затаскивали в узкий проход еще одного, чьи ноги волочились по земле.

Сколько времени прошло, а мало что изменилось. В столице под прикрытием утреннего сумрака представители незаконной профессии проворачивали собственные делишки.

– Тащи сюда, к стенке. Не видел, куда он ее засунул? Ну ка, приведи приятеля в чувство.

Подельники остановились совсем неподалеку от Эйдена, пока его не замечая. Но это ненадолго.

Прозвучал щелчок, человек на земле завозился, а Эйден пригляделся к магическим разводам, пятном расплывшимся над пальцами бандита. Мало кто даже в его время – а ведь тогда учили иначе – умел по виду единственного заклинания делать выводы о силе мага. А еще хорошо различать оттенки

и мысленно составлять в голове сложные расчеты. Однако светлейший – хотя теперь темнейший – кардинал еще и не то умел. Он понял, что сил там немного. Только вот сам пока по беспомощности напоминал новорожденного котенка.

Подельники выпрямились, бросили взгляд по сторонам, и именно старший в дуэте первым приметил Эйдена.

– А это еще кто? Эй, бродяга, ты неудачно выбрал подворотню.

– Шел бы отсюда, – сплюнул второй, старательно вглядываясь в полумрак.

– Куда ж он пойдет? Эй, мил-человек. Не бойся, подойди. Предложение есть.

По незаметному движению руки, скользнувшей по бедру и быстро спрятавшейся за спину бандита, Эйден прикинул, какого размера нож тот мог бы держать под полой кожаной куртки. Не слишком большой, но для смертельного удара сгодится клинок размером чуть меньше ладони. Для воров и прочих охотников за легкой поживой самое то. Ясно ведь, живым его не отпустят, чтобы страже не настучал за вознаграждение.

Он оперся о палку, чуть прихрамывая, медленно пошел вперед.

– Доброго утра, – улыбнулся почти дружелюбно, останавливаясь на таком расстоянии, чтобы без труда дотянуться до обоих.

Мимоходом отметил цепкий взгляд старшего бандита,

оценившего высокую фигуру возможного соперника. Под просторным пальто кости были не очень заметны, но глаза у обитателей улиц всегда отличали бродяг от господ. Угрозы в отощавшем теле оба не углядели. Сухожилия да мышцы, канатами обмотавшие длинные руки. Все мясо давно стерлось. Тщедушный, душе не в чем держаться. Такого убрать, только милость проявить. Отмучился бедолага.

– Тебе не хворать, – хрипло оттолкнул второй, отвлекая внимание на себя, а первый сделал стремительный замах и бросился на Эйдена. Движение подельника было быстрым, отточенным, но ожидаемым, а вот ответный удар явился непредвиденным. Выбитый из руки нож взлетел в воздух и, отбитый концом палки, набрал ускорение, воткнувшись точно в горло.

Второй еще только смотрел, как его подельник, хрипя, оседает на землю, и вскидывал для магического удара ладони, когда развернутый конец палки попал точно в солнечное сплетение. Бандит согнулся от боли, и второй удар пришелся в основание черепа, заставив неподвижным кулем свалиться на землю и замереть рядом с более удачливой жертвой.

Жертва в этот миг надумала очнуться окончательно и подала голос.

– Чего, ик, чего тут происходит? Хде ребятки? – запах перегара заглушил даже стойкие ароматы подворотни.

– Перебрали ребятки, – ответил Эйден, невозмутимо обшаривая карманы бандитов. В потайном обнаружился мешо-

чек с монетами. Нож и правда оказался неплох, куртка, впрочем, тоже. Только пришлось на скорую руку оттирать лезвие и кожаный воротник от крови.

– А ты, ик, кто?

– Мимо проходил.

Эйден оправил куртку, подошедшую ему лучше пальто, прицепил потертые ножны, укрыл голову капюшоном и переступил через неподвижные тела, направляясь к выходу.

– На твоём месте я бы домой поспешил.

– А, это, слышь! С ребятами покутили на славу, но неспроста, да.

Слышно было, как незадачливый мужик кряхтит, стараясь подняться.

– Помоги, а. Я ведь не просто кто. Гляди. Вот метку вчера получил. Настоящую. Посмотри.

Эйден замедлил шаг и обернулся. Мужик стоял на коленях, покачиваясь, держался рукой за стену и в упор не замечал неестественных поз своих собутыльников. Зато бывший маг с первого взгляда сообразил, чем так привлек бандитов этот неказистый с виду человек. Простак! Один из тех, кто полжизни горбатился, а когда наконец удостоился знака отличия, отправился хвастать им направо и налево, да еще обмывать в кабаке. Нет бы сутки подождать, пока завершится активация. А вещь неплохая. Полезная в определенных условиях. При прежнем его положении это показалось бы сущей ерундой, насмешкой, а сейчас метка выглядела неверо-

ятно привлекательно. Удобный пропуск по городу и за его пределы в любое время без дополнительной проверки. Не зря ребятки позарились, опоили да довели до ближайшей подворотни. Проще простого тихо отправить молодчика к праотцам, нарушив магический процесс, а метку присвоить. И ведь сам виноват, что дурак.

– Хорошая вещь, – ответил он, возвращаясь.

– То ж и я говорю, – продолжал мужик, хватаясь за протянутую ладонь и с трудом поднимаясь. – Вот вчера Сам лично вручил. Как протянул в коробочке такую, настоящую. Я взял, она блестит в руке... Чуть не до слез.

Мужик шмыгнул, одновременно пытаясь подбоchenиться и продемонстрировать свою важность.

Эйден с трудом отвел взгляд от метки, взглянул в покрасневшие глаза, оценил надутые от гордости щеки.

– И далеко живешь?

– Я ж... – собеседник почесал переносицу, наморщил лоб. – В кабак пошел, а он как раз посередине. А дома старуха ждет. Вот как начнет верещать, что в полночь появился.

Эйден хмыкнул и вновь бросил взгляд в сторону выхода. По улице начинали снова первые прохожие, и скоро смена стражи отправится подменять уставший патруль. Как вариант, причем отличный вариант, он мог взять метку, тогда шансы пройти по городу значительно возрастут. Ведь время феры стремительно сокращалось, а одинокая фигура в капюшоне могла и привлечь чье-то особо настырное внимание.

Он посмотрел на пьяно улыбающегося мужика, с любовью поглаживающего свой знак отличия, и принял решение.

– Сегодня удачный день. Вероятно, и старуха не станет злиться? А если и так, метка ее успокоит.

– А то! – воспрянул духом мужик.

Эйден усмехнулся уголком рта и подставил плечо.

– Показывай дорогу, доведу. А метку лучше спрячь.

– Так это, – вспомнил мужик, запихнув знак отличия в неприметный карман, сделанный прямо в воротнике, – а ребятки?

Он навалился на подставленное плечо, с трудом переставляя заплетающиеся ноги.

– Славно покутили вместе. Надо их тоже... или как?

– Устали ребятки, пускай отдохнут. А тебе домой пора.

– Ну то ж да, устали. А дома старуха ждет. Пойдем домой.

Я остолбенело осматривалась по сторонам, отмечая каменные, местами покрытые мхом и плесенью стены пещеры. Новый переход? Что это за место?

Покрутилась вокруг своей оси, начиная узнавать окружающее пространство. Та самая пещера!

Охнула, прижала руку к скакнувшему в груди сердцу. Пустая теперь, но именно здесь Он был прикован. Это вспомнилось и ярко отпечаталось в памяти. Вон там, прямо напротив, в месте, где висели цепи.

Прикрыла глаза и сглотнула.

Это вообще мой мир? Выход! Где здесь выход?

Принялась метаться по пещере, тщетно стараясь отыскать путь наружу. Пусто! Пусто, как и в прошлый раз. Но он ведь вышел! Мне нужно домой!

Остановилась, зажмурилась, попробовала сосредоточиться, вызвать чувство головокружения, но навалилась такая слабость, что, тяжело дыша, рухнула на каменный пол. Похоже, лимит скачков через миры оказался исчерпан. Напрасно я сейчас попыталась открыть новый портал. Все же Эйден не обманул насчет них. Но что он говорил про переходы в целом? Туда и обратно, лишь когда дар просыпается? А внутри одного мира их проще совершать? Раз душа его обитала в одном, а тело – в другом, значит, я не перескочила грань? Не перешла, поскольку напрочь заблудилась!

Паршиво-то как. И холодно. Лежать на камнях в летнем платье, пусть и из плотной материи, означало застудить все, что этих камней касалось. А мне только болячек не хватало. Нужно подняться и еще подумать, хорошенько поразмыслить о возможности выхода. Он тут должен быть.

Я приподнялась на локтях и какое-то время постояла, силась подняться. Ох, как хотелось есть! От усталости дрожали руки, пока подтягивала ногу, чтобы упереться коленом.

Ночью толком не спала, а утром не дали позавтракать. А он ведь говорил, что нужно есть. Еще и барьер преодолела. Ох, стихии! Казалось, стены кругом шатаются и готовы рухнуть. Нет, никогда больше не пойду на такой риск, как мно-

гочисленные переходы. Ведь могла и без сознания упасть, тогда бы околела в стихиями забытой пещере.

Подняться удалось не сразу, с какой попытки тоже затруднялась сказать. Казалось, что с сотой, не меньше. Когда мне посчастливилось занять вертикальное положение, покачиваясь, точно тонкий прутик на ветру, я принялась оглядывать стены. В голове шумело, во рту ощущался привкус крови, но пыталась сосредоточиться, чтобы вспомнить, как очутилась здесь в первый раз. По ощущениям, пришла порталом. Но создала его сама или он уже был? Меня еще Вашек протолкнул сквозь прутья, и вот тогда рухнула вниз. Головокружение, тошнота и... но Эйден ведь выбрался. Даже если отсюда снова построила переход, он вышел сам.

И я пошла на ощупь искать то место, где существовал разрыв в пространстве. С учетом общего состояния далось это непросто. Пришлось кружить несколько раз, сперва по полу, затем карабкаясь по камням, чтобы пройти круг чуточку выше. Еще и замерзла под конец очень сильно, зубы стучали друг о друга, когда, забравшись на валун повыше и проведя ладонью по одной из стен, внезапно ощутила, как рука уходит вглубь. Не раздумывая, выпрямилась на камне, всем телом прижалась к стене, чтобы испытать знакомые ощущения и с дикой головной болью проскочить переход, обнаружив себя в земляном подвале.

Я застонала в голос и тут же прикрыла ладонью рот, потому что замутило страшно. Прижавшись к сырой стене, про-

сидела, скрючившись, какое-то время, прежде чем отпустило. Мне стало легче, даже дышать теперь удавалось не с таким трудом. Появился шанс осмотреться, и я увидела пробивающийся сверху свет. Сперва даже глазам не поверила, а потом еще некоторое время приходила в себя, силясь представить, чего истощенному человеку стоило создание этого лаза. Нужно отдать должное его целеустремленности. Другой бы руки опустил, а этот пробился, вылез, еще и меня нашел. За первое была ему благодарна, самой пробить путь к свободе казалось почти нереальным, ну а всего остального не могло быть без первого, так что здесь ощущения раздвигались.

Описывать, как карабкалась по лазу, язык не повернется. В первые моменты тело не слушалось, но после бесконечных упорных попыток я стала согреваться. Извиваясь, точно гусеница, среди завалов старого дома, наконец выбралась на поверхность. И там уже огляделась, утирая пот со лба. Теперь стало по-настоящему жарко, зато я вознесла еще одну благодарность жителям деревни. Они растащили полезные составляющие бывшего дома, вроде кирпичей и тяжелых деревянных балок. Видимо, использовали для собственных нужд.

Ох, не помешает научиться управлять своим даром, ведь вместо любого удобного места я очутилась в старой пещере. Спустившись с груды мусора на тропинку, поняла, что податься больше некуда, кроме как идти через лес. Можно по-

ворачивать сразу к городу, а можно навестить бабушку Ва-
шека. Ведь именно она рассказывала истории про древнее
зло. Вдруг поведает что-то полезное. Мне не помешает обжа-
вестись новыми сведениями, особенно учитывая упорство, с
каким Эйден меня преследовал. А еще это проклятие, кото-
рое тянуло совсем не туда, куда следовало идти.

Все! Приняла решение. Теперь главное – добрести.

Старушка буквально сканировала меня взглядом, а я ста-
ралась укрыться от этого пронизывающего взора за большой
глиняной кружкой.

– Ты! – она вскинула дрожащий палец и ткнула в меня. –
Значит, ты во всем виновата!

– И не во всем! – не согласилась с ее обвинением.

– Ты его воскресила!

– Без вашего внука я бы туда второй раз не сунулась.

– Выпустила зло во плоти! Зачем вообще явилась сюда?
Принесла же нелегкая!

– Вашек привез! А вы сразу принялись легендами пугать,
в которые ни один здравомыслящий человек не поверит!

– Очень даже верили! Это вы, пришлые, вечно норовите
нос везде сунуть. Сколько уже поплатилось? Вот и ты мог-
ла пополнить ряды заблудших. Ума не приложу, как барьер
миновала?

– А почему его не закрыли?

– Кто не закрыл? С этой стороны переход узкий, не прой-

дешь. С той стороны клином пробивали.

– Для зла пробивали? Чтобы удобней выбраться было.

– Чтобы из тела энергия уходила в немагический мир. Да кабы ты понимала! И вообще разобраться с тобой следует.

– Как вообще подобное возможно, чтобы кто-то воскрес?

– Его душу с телом разделили, потому что дара в нем было немерено. По разные стороны двух миров поместили, дабы душа, пока погибала, из тела всю магию капля за каплей вытянула. Коли б дурехи разные, которых к себе манил, его силой не питали, уже бы истончилась давно и развеялась. Ведь с каждым годом слабел переход.

– Так разрыв между мирами на его энергии держался?

– На чем держался, не твоего ума дело. Явилась тут! Отвечай, как заслон миновала?

– Откуда мне знать?

– Рассказывать не хочешь? Тогда тех позову, кому расскажешь!

– Я им про помощь Вашека тоже расскажу.

Рука старухи, метнувшаяся к старинному медальону, висевшему на груди и примеченному мной еще в прошлый визит, замерла на полпути.

– Внука не приплетай! – погрозила она пальцем.

– Не буду, если вы тоже промолчите. Откуда вам знать, кто именно зло из леса освободил?

– Ты мне, девчонка, не указывай, кому что говорить.

Я сложила руки на груди.

– И не думаю указывать, но, если уж говорить обо всем, так ничего не утаивать.

Она прищурилась и замолчала. Так мы обе сидели какое-то время, искоса поглядывая друг на друга.

– Чего ко мне явилась? – более миролюбиво начала старуха. Вот я бы на ее месте сразу так разговор повела. В конце концов, предсказание не по ее вине исполнилось, она совсем ни при чем, а потому может и поделиться полезной информацией.

– Этот человек, кем бы он ни был во втором мире, всю мою жизнь перевернул с ног на голову. Из-за него Вашек даже разговаривать не желает. Расскажите, сколько знаете, только по-настоящему, без тайн и легенд, чтобы понять, с кем имею дело.

– Еще не поняла?

– Помню, он зло во плоти, но какова реальная угроза?

Старуха недовольно хмыкнула, досадуя на мою упертость и желание докопаться до сути. Ей представлялось достаточным заявить, что плохой маг из леса хуже не бывает и от него нужно держаться подальше, а я пыталась понять, в чем конкретно заключалась опасность и отчего держаться подальше было столь трудно.

– Ладно, – ответила она наконец, – расскажу, о чем знаю.

Эйден благополучно миновал половину пути. Двое пьяниц-приятелей, где один ведет другого (хотя следовало бы наоборот, поскольку у мага в глазах периодически темнело),

бредущих в рассветных сумерках, пока не вызывали интерес. По крайней мере одинокая фигура рисковала заслужить более пристальный взгляд со стороны сменяющихся на посту стражей. А когда, следуя указаниям, озвученным заплетающимся языком незадачливого мужика, Эйден остановился возле неприметного домика, дверь почти мгновенно отворилась. На крыльцо выскочила хозяйка, всплеснула руками и уперла кулаки в бока.

– Явился! Да не один! Ты ж паскуда такая! Пьяница! Я всю ночь глаз не сомкнула!

– Супруженька! – развел руками мужик.

– Я вот покажу супруженьку, – женщина подняла руку со скалкой и стукнула ей по ладони. – Еще и другого алкаша привел!

Мужик в нерешительности замер на дорожке к дому, а Эйден приметил краем глаза двоих патрульных, чьего внимания привлекать бытовой ссорой ему совсем не хотелось.

Он чуть склонился к пошатнувшемуся «приятелю» и шепнул: «Про метку скажи». У того мгновенно округлились глаза. Как он позабыл про главный козырь? Вот теперь не станет ругать.

Со счастливым видом мужик извлек наружу блестящий кусочек металла.

– Ты... ты метку получил? – супруга едва не упустила из рук скалку.

– Говорил же, получу. И вот! – мужик расплылся в улыбке.

– И не домой с ней пошел, а пить?

Женщина медленно наливалась краской.

– Э-э-э...

– Он за подарком пошел, – Эйден решительно потащил растерянного супруга к дому, приметив, как патрульные замедлили шаг и повернули головы в их сторону.

– Каким подарком? – оба удивились одновременно, только у женщины возглас вышел громким, а у мужика – невнятным.

– Который бандиты из подворотни умыкнули, – пользуясь замешательством супруги, Эйден втащил мужика на крыльцо и прислонил к двери.

– Умыкнули?! – вскрикнули оба одновременно.

– Хоть метку не успели, – добавил Эйден, выругавшись про себя и помянув недобрым словом всех дураков мира, несговорчивых жен, а также любопытных стражников. Один из упомянутых навалился на дверь, но не делал попытки открыть, вторая застыла изваянием на крыльце, а двое других проявляли совершенно ненужное любопытство.

Маг решил наплевать на долгие разговоры и с силой толкнул дверь ногой. Мужик тут же улетел в глубь комнаты, а его супруга открыла в возмущении рот, собираясь вновь разразиться недовольными воплями.

Эйден перехватил взлетевшую со скалкой руку, слегка коснулся пухлого кулачка губами и указал свободной ладонью на вход:

– Только после вас.

У женщины округлились глаза и зарделось лицо. Она разжала ладонь, едва не уронив деревянный снаряд ему на ногу, и растерянно проследила за уверенным жестом. Скалка прогрохотала по крыльцу, благополучно разминувшись с отдернутой ступней, а Эйден беззастенчиво добил хозяйку, воспользовавшись главной женской слабостью – любопытством.

– Я могу подробно рассказать обо всем, но, наверное, лучше в доме.

– В доме? – отчего-то слабым голосом промолвила супруженька, хватаясь за дверную притолоку и делая шаг через порог. – Значит, ты помог ему, а я уж подумала...

Она снова замерла, вероятно, борясь со вновь накотившимися подозрениями.

Эйден краем глаза отметил, что стражи все никак не пойдут дальше, и со вздохом сказал:

– Понимаю, как это выглядит со стороны. Ваши подозрения вполне уместны, а потому простите за беспокойство. Я тогда лучше пойду.

Он сделал шаг вниз по лесенке, держась полубоком и не поворачивая к страже лицо. Отметил с досадой, что уж больно стремительно наступает рассвет. На боках служителей порядка вполне отчетливо виднелись форменные ножны, украшенные затейливой вязью принадлежности к той или иной патрульной группе. Если и этих пугали в детстве его портретом, то придется схватиться сразу с обоими, а преимущества

в неожиданном нападении уже не будет.

Две пухлые ручки крепко обхватили за предплечье.

– Куда же я спасителя отпущу! – воскликнула супруженька и потянула Эйдена за собой. – Неужто и чаем не угощу в благодарность? Да и ведь хлеб уже готов, только из печи достать. Идем поскорее в дом.

Стоило только представить себе горячую пышную сдобу, как голодная дурнота окатила с головой. Он успешно боролся и с ней, и с норовившей утянуть в себя темнотой, а теперь едва не споткнулся на злосчастных ступенях.

Для видимости Эйден словно нехотя поддался женскому напору, но при этом взглянул в глаза пышнотелой хозяйки с благодарностью, пронаблюдав, как последние остатки сомнений напрочь смывает охвативший женщину трепет. Супруга почтенного горожанина покраснела до корней волос, что-то слабо пробормотала и поспешила в дом. Эйден предпочел тоже не мешкать, пока от голода еще и разум не помутился, и крепко притворил за собой дверь, оставив по ту сторону потерявших всякий интерес стражников.

– В крови бы утопил? – со вздохом повторила я набившую оскомину фразу. Все же без театральных эффектов и патетичных высказываний бабушка Вашека ну никак не могла обойтись. Потом мне вдруг вспомнилось, что маг в целом питал некую слабость к этой весьма полезной жидкости, и хлеб едва не стал поперек горла. А может, все дело в коли-

честве сдобы? Сама забыла, какой по счету кусок спешно заглатывала, запивая молоком. Рядом стоял абсолютно пустой котелок из-под каши.

– А когда ритуал проводили, проклятие произнес? Вернуться обещал? Учудили предки, угодив под проклятие. Значит, по этой причине моя кровь его пробудила? Кстати, мир – это конкретное место, состояние или больше метафора?

Приметив неподалеку кадку с ягодой, зачерпнула целую горсть. Старушка в удивлении проводила глазами исчезающие в моем рту спелые бусинки и то, как второй ладонью подтащила ближе крынку со сметаной, на миг позабыв страшного темного кардинала.

– В прошлый раз меньше птицы склевала, а теперь больше Вашека зараз проглотила. У вас там со внуком не того?

Приятная сытость, которая наконец заполнила желудок, навела на мысль: смогу ли открыть портал, когда чувствую в себе силы? Может, мне только и требуется поесть, чтобы их восстановить? Из-за подобных размышлений толком не отследила мысль старушки, потому пожала на «Не того» плечами и вернулась к расспросам о более интересном предмете.

– Так что с миром, говорите?

– В крови бы утопил.

– Ага, помню. А сразу оба или одним бы ограничился?

– Власти он хотел и силы. Владения правителя тамошне-

го под себя загрести и магию взрастить, какой ни у кого не было. Ни перед чем остановиться не желал. Ни война, ни гибель люда простого помехой бы не служили.

Старуха поднялась и ушла к печке, убирая пустой горшок. Сморщенная рука быстро метнулась вверх, едва коснувшись медальона.

– Странно это. Он и так при власти был, с ваших слов. – Я задумалась над рассказом. – Светлый кардинал, сильнейший маг, как там, верховный магистр, доверенный советник владыки. Столько регалий! И бедняком точно не был. Неужели мало показалось?

– Доверенный, он доверенный, вот только не владыка, – хрипло рассмеялась старуха. И этот смех совпал со скрипом отворяемой двери.

Человека, перешагнувшего порог, я знать не могла, но, едва увидев, всей кожей ощутила угрозу. Может, виной выразительный взгляд в мою сторону?

– Доброе утро, – приветствовал вошедший.

– И вам не хворать, – ответствовала старуха, а у меня вдруг пересохло в горле. Окинув взглядом одежду визитера, не заметила в ней ничего подозрительного. Неброская, повседневная, в такой каждый второй по улице ходит.

Мужчина, по чьему невыразительному лицу едва ли угадывался истинный возраст, с сухой улыбкой присел напротив. Рука, испачканная ягодой, опустилась сама, стукнув о столешницу.

– Потомок, значит? – он постучал тонкими худыми пальцами по дереву и прищурился.

– Чей? – прочистила горло.

– Кровь предков – великая вещь, вам это известно?

Мой взгляд метнулся к старухе, та стояла, отвернувшись, и переставляла горшки на печке.

– Догадываюсь, – сглотнула и тихонько стянула вилку, пока мужчина рассматривал трещину в столе возле собственных пальцев.

– Матушка Эга, плохо с вашей стороны было сразу не заявить об обрушении дома.

Старуха опустила голову ниже.

– Хотя в чем-то вас понимаю. Сила смотрителя держится за счет чар, а переход существовал так долго, что напился магией и не сразу закроется. Но нехорошо.

– Простите, – я откашлялась. В воздухе отчетливо пахло грозой. – Вы забыли представиться.

– Правда? – удивился мужчина. – Сожалею.

Улыбка вышла фальшивой и какой-то змеиной, исказив тонкие бескровные губы.

– Арс Адо. Адо, от названия профессии, Арс, соответственно, имя. А вы Арианна Мэнэр, и названы в честь знаменитой прабабки.

– Можно просто Сэйна. – Мужчина хмыкнул. – А что у вас за адовая профессия?

– Я лик-ви-адо. – По слогам произнес человек со змеи-

ной улыбкой. – Я тот, кто убирает в вашем мире последствия магических выбросов. Зачищает, так сказать, территорию. В частности, тут неподалеку стоял весьма симпатичный старый дом. Его прежде скрепляла надежная магия, которая шла в ваш мир через портал.

– Магия вашего мира? – я сморщила лоб, пытаюсь сложить воедино уже известную информацию.

– О, не совсем. Магия человека, чья душа обитала по эту сторону. Этаким ручеек через разрыв в пространстве, дабы питать силы зрителя.

– Было бы чего тянуть! Больше разговоров о той силе, – проворчала старуха.

– А главной задачей зрителя, – ликвиадо бросил неприятный взгляд в сторону бабушки Вашека, – было не допустить, чтобы предсказанное сбылось. Эга, вы не справились.

– Кто ж мог подумать, что она сподобится? – всплеснула руками старуха. – Обычная, как все! На прабабку-красавицу несколько не похожа. Ничегошеньки по наследству не досталось.

– Как сказать, – снова прищурился ликвиадо, окидывая меня оценивающим взглядом, – что-то определенно есть.

Я крепче сжала вилку в руке.

– Явилась откуда ни возьмись, да еще по ту сторону прошла и его душе путь указала! Она ж с нашего мира! – продолжила старуха и дрожащей рукой поправила медальон. А

у меня словно глаза открылись. Ведь с первой встречи удивлялась ее бодрости и крепости. А она все это время магию Эйдена высасывала, точно пиявка.

– И ведь правда интересно, как же вам, э-э, Сэйна, так?

– Так.

– Как же вам, Сэйна, удалось пройти на ту сторону? Отсюда сообщение между мирами совсем узкое.

Неприятный момент. Раз адекватный проход существовал лишь с той стороны, значит, отсюда я перескочила благодаря собственному дару. Знать бы, что спровоцировало прыжок.

– Эм.

– Я задал сложный вопрос? – взгляд его стал очень колючим.

– Понимаете, я совсем не разбираюсь в вашем мире и сама не знаю, что да как.

– Ах, в этом дело? – меня одарили фальшивой улыбкой. – Эга, подойдите. Мне нужно кое-что продемонстрировать нашей невольной освободительнице.

Бабушка Вашека со вздохом приблизилась, а мужчина резким движением сорвал с ее груди медальон. Я даже вздрогнула от неожиданности, а старушка вдруг захрипела, меняясь на глазах. Она упала на пол, скорчилась в судорогах, обхватив голову руками. Кожа ее стремительно темнела, покрываясь пигментными пятнами и глубокими бороздами морщин.

Я отшатнулась в ужасе, случайно смахнула со стола коте-

лок. Тот грохнулся и покатился со звоном.

– Вот, видите, Сэйна. Наглядное пособие для вас: была магия, а ныне нет магии. Так и в обоих мирах: в одном есть, в другом нет, и человек, рожденный здесь, не может запросто перейти на ту сторону.

– Что вы творите? – я бросилась к хрипящей старушке. – Разве можно забирать так резко? А если она умрет?

– Есть вероятность, – невозмутимо ответил мужчина, покачивая медальоном. – Но кто виноват? Предыдущие смотрители справлялись лучше. Хотя вы тоже правы. Разве могла бедная старушка угадать в выходе этой стороны наследницу Арианны Мэнэр, да еще с даром! Портальщик в немагическом мире! Неслыханно! Мы и сами подобного не предвидели. Знаете, согласно плану, ссылка Арианны сюда предполагала, что слабая магия постепенно угаснет, проклятие, естественно, развеется. И она угасла! Все потомки – обычные люди, только с вами что-то пошло не так, Сэйна. И нужно разобраться в вопросе. Поможете?

– Помочь? – я вскинула голову, смотря в змеиные глаза. В них не было жалости, сочувствия, только равнодушие. – А вы меня потом тоже ликвидируете?

Он запрокинул голову и рассмеялся. Сидел надо мной совершенно расслабленный и уверенный в собственном превосходстве. Стихии! Не знаю, кто для меня опасней, но Эйден нравился больше.

Я качнулась вперед, прямо к лежащей на колене мужской

руке с медальоном, и воткнула в нее вилку. Шипящий свист и полыхнувшие яростью глаза, а я уже рванула магическую вещьцу, подскочила на ноги и пронзительно взвизгнула, когда воздух заколыхался, загустел и вращающейся спиралью полетел в мою сторону. Страх трансформировался в шок, когда весь этот поток вдруг стянулся в медальон.

К двери рванула задом наперед, выставив магическую вещьцу перед собой наподобие щита. Мужчина кинулся следом, и даже затрудняюсь угадать, что произошло бы, но именно бабушка Вашека помогла в этот миг. Она со стоном попыталась приподняться над полом, и ее тело послужило барьером, за который зацепился преследователь. Грохот рухнувшего ликвиадо сопровождался стуком двери, которую я захлопнула, вставив в ручку валявшуюся под ногами палку. Засов тут же закачался и загрохотал, а я со всех ног помчалась к лесу.

Глава 8

Спать хотелось. Сильно. Желудок сыто примолк, а прежде напряженные мышцы с благодарностью расслабились, вытянувшись вдоль твердой лавки. Хозяйка не пожалела сложенного вдвое тонкого матраса с супружеской постели, едва услышав, что спаситель драгоценного муженька не местный и дом его не в столице, однако Эйден сам отказался. Баловать себя не стоило, а уж ослаблять внимание тем более, иначе и половины пути ему не преодолеть.

Мужчина упорно гнал настойчивый сон, строя в голове план, как ему добраться в нужное место. Есть ли смысл искать пути из города, если по всему выходило, что без помощи чудодейственной крови шансы достичь желаемого были ничтожны? Он слегка пошевелился, меняя положение тела, и выудил из недр куртки перепрятанный складной нож. Раскрыл его и изучил на конце острия едва заметное красное пятнышко. Вот эта капля могла помочь создать поисковую нить, но для переноса к несговорчивой наследнице нужен порталыщик, причем такой, кто возьмется переместить его нелегально. Опять же он потребует немалую сумму за свои услуги. Ведь для прохода на ту сторону требовалось много сил, а сильные порталышки редко шли наперекор закону, очень редко. С другой стороны, они часто оказывались обижены этим самым законом. Попытаться стоило, но в первый

черед ему требовались деньги.

В боку кололо от быстрого бега. Дыхание со свистом вырывалось из грудной клетки, а ноги все чаще спотыкались о многочисленные корни деревьев. И Вашек еще называл эту дремучую чащу лесом? Возможно, так оно и было, если идти прогулочным шагом по тропинке в сторону города. Но если нестись, не разбирая дороги, и петлять туда-сюда, точно заяц, путая следы и ощущая за спиной тяжелое дыхание преследователя, все выглядело иначе.

В очередной раз, споткнувшись, не смогла удержать равновесия и кубарем покатилась вниз с небольшого пригорка прямо в валежник, оцарапавшись о мелкие ветки.

Медальон вдавился в грудь, когда верчение прекратилось, и я замерла, не чувствуя себя от боли в теле. Стихии. Лишь бы ничего не сломала. С тихим стоном потянулась к тяжелой вещице, вспоминая, как она уберегла меня от магического удара, вытянула колющую штуку из-под груди и перевела дух.

– Сэйна!

Ох! Как в пьесе ужасов. Рассветный лес, молодая дева лежит в ямке, осталось только сверху присыпать. И почему прежде не осознавала, какая у меня была чудесная жизнь? А теперь столько маньяков на одну девушку, только успевай спасаться.

Я с трудом заглушила истерический смешок. Без чувства

юмора в такой ситуации впору свихнуться.

– Сэйна, ну хватит прятаться.

Какой уверенный в себе ликвиадо. Ходит, топая, точно слон, ни капельки не таясь. Вот Эйден перемещался быстро и бесшумно, отчего разница сразу бросалась в глаза.

– Не понимаю вашего испуга. Разве для вас не лучше помочь? Вместе отыскать и схватить темного кардинала? Посудите сами, если попадете в его руки, то пощады не ждите. И быстрая смерть в этом случае благо, но вряд ли вы его обретете. Поверьте, он – манипулятор и умеет играть по чужим правилам до тех пор, пока вы вдруг не обнаружите, что проиграли. Это опасный маг. Представьте, сколько времени он просуществовал в ситуации, когда любой другой не протянул бы и половины срока. Вообразите, сколько в нем было магии, если даже сейчас он способен творить заклинания.

Ладно, парень, ты меня напугал, что дальше? Я все равно не уверена, кого стоит бояться больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.